

Ирина Зволинская

Проклятый
лес

18+

Проклятый лес

Ирина Зволинская

Проклятый лес

«Автор»

2022

Зволинская И.

Проклятый лес / И. Зволинская — «Автор», 2022 — (Проклятый лес)

Маршал могущественной империи принимает странное решение - удочерить взрослую дочь изгнанников, хранителей Леса. Девушка дружна с его дочерью, умна и воспитана. Казалось бы, почему бы не помочь сиротке? Только я не сирота. Он получил надо мной неограниченную власть. Лишил семьи и имени. Гениальный стратег, он уготовил мне роль пешки в своей шахматной партии и учел всё. Кроме чувств. Ведь когда в политику вмешается любовь, и разменная пешка может стать ферзём. Первая часть трилогии

© Зволинская И., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ирина Зволинская

Проклятый лес

Пролог

Полыхал Эдинбургский лес. Рогатые олени, бурые волки, рыжие лисы, медведи и птицы – все покидали родной дом, который корчился сейчас в страшной агонии. Красные ленты стремились куда-то ввысь, громко и неумолимо трещало пламя – догоняло испуганную живность. Я знала, кто послал на эту землю кару. Почти видела его там, на той стороне реки. Лишь стоило мне едва прикрыть глаза, как передо мной вставало его лицо. Породистый нос, высокие скулы, сжатые зубы и глаза, в которых горело то же пламя, что пожирало сейчас этот лес.

– Ана, – захныкало мое сокровище, – пошли домой.

– Мне нужно уйти, милая. – Я поцеловала девочку в пухлую щечку. – Кто-то ведь должен остановить этот пожар, правда?

– И ты вернешься?

– Обязательно, – серьезно пообещала я, в действительности уверенная в обратном.

– Благослови тебя Господь, – прошептала мне старая Синтия и взяла ребенка на руки.

– Во всяком случае, она будет свободна. – Я упрямо сжала кулаки, глядя на то, как скрываются они в тени уцелевшей части леса.

– Прощай, Ана, – повернулась девочка и помахала мне рукой.

Господи, пусть это будет не напрасно. Пусть эта кареглазая кроха никогда не узнает горя.

– Прощай, Ари, – тихо прошептала я.

Плата за мою слабость оказалась слишком велика. Мы с Арианной делили это бремя на двоих. Моя девочка – круглая сирота при живых родителях. Отец Ари никогда не узнает о ее существовании, я же никогда не услышу от нее самых важных слов.

Никогда она не узнает, кто ее мать.

Это я.

Глава 1

Я выросла на окраине империи, в самой северной ее части. Буквально в нескольких шагах от старой крепости, в которой и проживало наше семейство, гордо величающее себя наследниками самого Эдинга, начинался таинственный и необыкновенно прекрасный Эдинбургский лес. Хоть и были у меня некоторые сомнения относительно родства с великим героем древности, в словах моего дорогого родителя присутствовала логика.

– Если мы потомки Эдинга, – спрашивала я, – то почему носим имя Бонков?

– Алиана, – отвечал отец, – твой великий предок завещал своим потомкам охранять лес. Даже войдя в состав империи, мы не позволили новой власти распоряжаться на нашей земле, отстояли лес и его богатства. Так разве важно имя, если есть суть?

Сказать по правде, наш лес не нуждался в заступниках и вполне мог позаботиться о себе сам. Скорее мы, Бонки, защищали людей от леса, а не наоборот. Местные жители, воспитанные на давних сказках и преданиях, старались лишней раз не заходить в чащу, а если возникала такая нужда, не ходили туда без сопровождения кого-то из Бонков. И правильно делали.

Лес редко отпускал чужаков.

Наша семья, которая состояла всего-то из пяти человек: я, маман, отец и двое младших мальчишек – братьев-близнецов, была благородной. На бумаге.

Где-то в кладовке, в старом сундуке, лежала перевязанная красной ленточкой, свернутая в трубочку грамота, которая гласила, что Бонки род древний, быть нам баронами да баронессами, и в жилах наших (согласно грамоте) течет голубая кровь. На деле же мы были бедны как церковные мыши и, чтобы выучить дочь (для успешного замужества, конечно), вынуждены были отправить меня на обучение в один из закрытых пансионов на государственной дотации. Потому что позволить себе нанять учителей мы не могли.

Едва мне исполнилось четырнадцать, папа и мама снарядили для такой цели телегу, а в телегу запрягли единственную нашу кобылу Морковку. Морковка, которая, по словам отца, являлась самой лучшей и экономичной заменой внедорожника, с трудом и очень медленно довезла нас до железнодорожной станции. Самой северной, а потому малоиспользуемой станции нашей страны. Тетушка Лидия, родная сестра моего отца, продала нам билет и, утерев слезы, обняла меня, да так, что кости затрещали. Мама, глядячи на такую картину, разревелась белугой, и бедный папа, разрываясь между положенными напутствиями для дочери и утешением жены, скакал между нами двоими. Последнее, что я запомнила, это покрасневший мамин нос и растерянного отца – тетюшка вынесла родителям огромную бутылку коньяка – для успокоения.

«Хорошо, что близнецы дома, – решила я, – иначе коньяк бы понадобился всему поезду».

Дорога заняла почти неделю. За это время несколько раз у меня сменились соседи, вернее соседки. Тетя оформила билет в женский вагон, за что я много раз произнесла ей мысленное «спасибо». Пассажиры мужского пола в дороге скучали, напивались и на остановках выходили пошатавающимися и сильно нуждающимися в женском обществе. Что касается моих невольных попутчиц, это были дамы разного возраста, небогатые, но и не так чтобы бедные (попробуй-ка купи билет). Кто-то ехал к родственникам, кто-то к жениху, кто-то к новому месту работы по распределению после окончания обучения, а в одном из крупных городов, уже на исходе путешествия, в поезд вошла моя ровесница.

– Здравствуйте, – поздоровалась девочка.

– Добрый день. – Я поднялась с сиденья и приветственно кивнула.

– Я Лиззи, – представилась она, протянула мне ладошку и сняла шляпку.

– Ана, – так же как и она, я представилась домашним именем, отмечая про себя, как красиво рассыпались по ее плечам каштановые кудри.

Я такой красотой похвастаться не могла, потому что была обладательницей абсолютно прямых светлых волос и совершенно бесцветных серых глаз. В общем, типичная северянка.

– Я еду в Колледж Святой Джоанны, – заявила девочка. – А ты?

– И я, – радостно ей улыбнулась.

– Давай дружить? – отразилась в ее теплых карих глазах моя улыбка.

– Давай! – немедленно согласилась я.

С того дня и началась моя дружба с Элизабет, как я потом узнала, дочерью одного из самых высокопоставленных лиц империи. Отец ее был нашим маршалом.

В поезде находилось несколько человек охраны, мужчины в форме периодически заглядывали в наше купе, и, когда я уже всерьез забеспокоилась, она вынуждена была открыть мне причину такого внимания.

– А почему ты едешь в пансион? – прямо спросила я.

– Так решил отец, – грустно ответила она, но потом вдруг вскинулась и добавила: – Ну и ладно! Дома у меня даже друзей нет, а теперь есть ты!

Мы приехали на место. Мне даже не пришлось тратиться, чтобы нанять транспорт. Лиззи встречали, и я поехала вместе с ней. Несколько наших ровесниц и девочек постарше с завистью смотрели на то, как военные таскают тяжелые сумки.

Как же меня невзлюбили в пансионе... Еще бы. Непонятно кто, непонятно откуда (не было здесь больше северян, папа-то выбирал, где подешевле, а дешевле оказалось в самом сердце страны), и непонятно по какой причине затесалась в подруги к Элизабет Холд. Кстати, больше подруг Лиззи почему-то не завела. Может быть, потому, что комнаты наши были рассчитаны на двоих, а мы сразу заселились вместе. Может быть, потому, что у нас и времени-то свободного не было. А может быть, ей и меня одной было достаточно?

Учили нас хорошо и многому. Сказать по правде, нас учили слишком хорошо для самого дешевого пансиона империи. Точные науки, литература, три иностранных языка, танцы, хорошие манеры. А когда среди предметов появилась геральдика, я догадалась спросить у Лиззи, что это за пансион такой?

– Ты серьезно не в курсе? – с недоверием посмотрела на меня подруга.

– Я только знаю, что тут дешево, – ответила я с набитым ртом. Кормили нас тоже отлично, но и это я приняла как данность.

– Это тебе тут дешево, – ответила Элизабет, – а другим сюда попасть практически нереально.

– А мне тогда с чего такая честь? – Я даже жевать перестала.

– Ана, нет, ну ты точно из леса! – расхохоталась она. – Да с того, что империя за тебя платит.

– Ну и пусть платит! – решила я. – Раз уж ей так хочется...

Самым любимым моим предметом была история. Очень уж мне нравилось представлять себя в старинной одежде, с кринолином и огромной юбкой, как у принцессы. Наверное, это потому, что форменное платье мне порядком надоело. А еще я ждала, когда, наконец, дойдет до истории моего родного края. Эдинбург присоединился к империи последним, и событие это до сих пор было окутано множеством тайн.

Я заметила, про Эдинбург вообще говорили мало, даже в новостях. Редкий сюжет касался нашей провинции, и то как-то мимоходом. Впрочем, у меня дома телевизор отсутствовал, как и у большинства жителей севера. Обижаться на такое невнимание было некому.

На Рождество у нас была индейка. На Пасху куличичи. Девочки постарше просили танцев и мальчиков. Танцы были, а в мальчиках нам отказали.

Шли дни, закончился первый год обучения, дети собирались домой на каникулы. Я в числе немногих оставалась в пансионе. Не скажу, что это меня сильно огорчало, разве что я скучала по родным, но денег на билет не было, и я смирилась. В детстве многие вещи воспри-

нимаются легче, да и мне клятвенно пообещали, что в следующем году я приеду домой. Я немного побаивалась остаться без Лиззи, во-первых, без нее мне было бы скучно, а во-вторых, две противные девчонки на год старше пообещали побить меня в туалете, как только она уедет.

Но она взяла меня с собой.

Семейство Холд, как это ни удивительно, проживало вовсе не в столице. Вернее, отец-то их жил по большей части именно там. А вот его жена, госпожа Диана, вместе с младшим братом Элизабет жили относительно рядом с нашим колледжем, в городе с дурацким названием Южный. Никакой фантазии...

Мама Лиззи радушно встретила нас, в отличие от брата. Николас, или Никки, как его звали дома, был болезненным ребенком и почти не говорил, а ведь ему было девять. Несмотря на это, мы с Элизабет часто брали его с собой, на прогулки и в комнату. Он нам не мешал, мы ему тоже, а госпожа Диана была счастлива, что младший и любимый сын не один. До моего появления в их доме он избегал даже сестры, а теперь они всей семьей вновь получили надежду на выздоровление ребенка.

На территории усадьбы был пруд, в нем даже водились караси. Мы, нарядившись в шорты и шляпы, ходили туда рыбачить. Из меня и Лиззи рыбачки были так себе, зато у тихого Никки всегда было полное ведро. В общем, он был у нас кем-то вроде котенка. Ходит рядом, особого внимания не требует. Еще и молчит. Только не погладить – он не выносил чужих прикосновений. Даже материнских.

За все лето отец Лиззи появился в доме лишь один раз. Высокий, кареглазый и темноволосяный, как и дочь, он произвел на меня неизгладимое впечатление. Настолько неизгладимое, что в ответ на его приветствие я не смогла и рта раскрыть. Только хлопала глазами и тряслась как осиновый лист, так испугалась. Господин Николас Холд-старший, кажется, сказал что-то про наш лес, но я мало что поняла из его слов. Он даже на день рождения дочери не приехал. Но я совершенно по этому поводу не расстроилась.

На пятнадцатилетие Лиззи ее мама пригласила, о ужас, клоунов. Ей-богу, лучше бы гостей пригласили... Мы с подругой недоуменно смотрели на Бима и Бома, а Никки впервые за это лето разревелся. Клоунов пришлось выгнать, торт есть вдвоем, потому что госпожа Диана ушла из-за стола вместе с сыном.

– Плохая это была идея, – заметила я. – Хотя под макияжем Бима было вполне себе симпатичное лицо.

– А под трико у Бома отличные мускулы, – задергала бровями Лиззи.

Все же я действовала на нее разлагающе. Или она на меня, кто знает?

А какой у них был дом... Пять этажей, огромные колонны на входе, повсюду картины, а в бесконечных коридорах можно заблудиться. Да уж, не чета нашей развалине. Хотя свою развалину я все равно любила. Ведь за крепостью стоял лес. И как же сильно я по нему скучала.

Каникулы закончились, мы вернулись в пансион прямо накануне моего дня рождения. Родители прислали мне факс (а это не так-то просто, ближайшая почта была за много километров от нас, бедная Морковка!), братья пририсовали внизу картинку – я в короне и платье. Они знали, о чем мечтает сестрица! Лиззи подарила мне кольцо и серьги. Я была абсолютно счастлива.

Второй год обучения прошел почти так же, как первый. Спокойно и немного скучно. Начитавшись романтических книг, а также насмотревшись фильмов околopodobной тематики, мы страдали от отсутствия в нашей жизни мужчин.

Когда подошло время каникул и я уже который день караулила свой обещанный факс, мы с Элизабет договорились, что непременно заведем себе этим летом поклонников, чтобы было что обсуждать весь следующий год. Лиззи уехала, а мне пришла весточка от тети Анны. Мама заболела, и все наши деньги ушли на лекарства.

Это было ужасное лето хотя бы потому, что вместо поклонника у меня завелись прыщи.

Зато я подружилась с оставшимися на лето двумя воспитанницами – Ванессой и Мэри. Не сразу, конечно, – сначала-то мы подрались. А потом в колледж вернулась Лиззи, посмотрела на мою симпатичную (в кавычках) физиономию и заявила:

– Красота – страшная сила!

– Страшная-страшная, – согласилась я. – Знаешь, какой у меня теперь отработанный удар левой? – И я выразительно помахала кулаком прямо перед ее лицом. Через пару дней в колледж приехала посылка с чудо-кремом от госпожи Дианы. Прыщи у меня прошли. А поклонник, о котором мне захлеб рассказывала Элизабет, оказался выдумкой. Враль из Лиззи был никакой. А все потому, что вымышленный страстный мужчина ее мечты никак не мог определиться с собственным именем. Каждый раз представлялся по-разному.

Мы исправно учились, Элизабет потому, что не могла разочаровать отца, я так просто от скуки, а вернее от тоски. С каждым годом наш лес снился мне все чаще и чаще. Доходило до того, что, просыпаясь, я долго не могла определиться, где сон, где явь. Густой воздух, наполненный ароматом шишек и преющих игл, грибов и ягод. Барабанная дробь дятла, звук ломающихся от медвежьих лап веток и солнце, проникающее сквозь кроны деревьев, – все это я ощущала каждой клеточкой тела. Иногда даже чесалась, будто бы искусанная вездесущими мошками.

На уроках истории мы дошли до Эдинбурга. Наш лес значился на карте Валлийской империи как геомагнитная аномалия. Хорошо известный мне как жителю провинции факт. На территории Эдинбурга редкая техника не выходила из строя. Навигация так не работала в принципе, а компас крутился в разные стороны, как пьяный.

И еще мы были в составе империи на особом положении – практически автономны. Наиболее интересным было то, что у Эдинбурга фактически не было хозяина. А были только мы – Бонки. Лесники.

Наши денежные проблемы по-прежнему были неразрешимы, однако родители находили возможность выбраться из Эдинбурга до ближайшего городка соседней провинции – Серебряных Рудников. Там был телефон, и они звонили раз в несколько месяцев. Поочередно. Мама, папа, а потом и Ральф с Рэндольфом.

До окончания колледжа я еще трижды гостила в семействе Холд. Ничего не менялось в поместье, тот же пруд, чудесная госпожа Диана, вечное отсутствие хозяина дома (в эти визиты я его не видела), те же слуги, никаких новых лиц, разве что тихий Никки становился год от года выше ростом. Наверное, пошел в отца. Он отрастил длинную челку и теперь ходил, занавесив лицо. Разглядеть, на кого он походил тогда больше, на отца или мать, было невозможно.

Несмотря на то что семья была далеко, я не чувствовала себя несчастной. Мама Лиззи приняла меня как родную и искренне заботилась. Я привязалась к семейству Холд, забывая о том, что без господина Николаса они семьей не являлись. Никки не заговорил, напротив, редкие слова перестали срываться с его губ. Мальчик окончательно замкнулся.

И только перед тем, как ему должно было исполниться четырнадцать, когда встал вопрос о дальнейшем обучении младшего из Холдов, мы узнали его диагноз.

Никки был гением.

Незадолго до Рождества госпожа Диана позвонила в колледж и сообщила Элизабет о результатах теста младшего брата. Его интеллект не просто не подлежал сомнению, Николас решал задачи быстрее любой машины и мог с точностью до последнего цента предсказать стоимость акций на бирже.

Мог, но не хотел. Никто по-прежнему не мог достучаться до мальчика. Но отец гордился сыном. С таким стратегом ему не страшны были никакие войны.

Если Николас-младший решил бы ему помочь, конечно.

Глава 2

Это была последняя зима, которую мы с Лиззи должны были провести в колледже. Нам было по девятнадцать лет. Старший курс традиционно отпускали на Рождество домой, и госпожа Диана пригласила меня в поместье. За несколько дней до предполагаемого отъезда мама Элизабет по большому секрету сообщила нам о готовящемся приеме по случаю праздника и о приглашенных отцом гостях, в числе которых должны были быть молодые мужчины. Мы не могли ни есть, ни пить, так ждали этого дня.

Длинный черный автомобиль встретил нас у вокзала. Мама Лиззи была тут же. После радостных объятий и поцелуев мы обе были перемазаны красной помадой и обе получили подарки. Два огромных бумажных пакета с платьями для будущего торжества. Элизабет, не дожидаясь дома, вытащила на свет длинное красное платье.

– Так что там с сыновьями министров? Может, на кого повыше нацелимся? – пошутила я.

– А то! – засмеялась Лиззи. – Императорский сынок почти наш ровесник. В самый раз подойдет.

– Ну вас, глупые! – замахала руками Диана. – Упаси господь нашу семью от такого внимания. Ана, открывай подарок! Неужели тебе не интересно?

– Очень интересно, – честно призналась я.

Мне госпожа Холд выбрала короткое, по колено, черное кружевное платье с пышной юбкой. Ничего красивей я в жизни не видела.

– Я подумала, черный подчеркнет твой цвет волос, – залепетала женщина.

Растроганная ее вниманием, я и слова вымолвить не могла. Только гладила рукой чудесную ткань, силясь не разреветься. Любовь, которой окружила меня эта женщина, немного примирив меня с невозможностью встречи с родителями. И все же я отдала бы все имеющиеся у меня подарки Холдов, только чтобы хоть день провести с семьей.

Мы непременно пошли бы в лес...

Живые видения заставили меня поморщиться.

– Ана, что такое? – испуганно спросила Лиззи. – Опять приступ?

Я зажмурилась, взяла себя в руки, благодарно улыбнулась и сказала:

– Нет-нет, Элизабет. Все в порядке, – развернулась к Диане: – Спасибо, это бесподобно...

Она увидела что-то в моих глазах, пересела ближе, чуть не свалившись, ведь автомобиль двигался по ухабистой дороге с довольно приличной скоростью. Крепко обняла и прижала к себе. Как благодарна я была ей за молчание. Ей и Лиззи. Подруга с нежностью смотрела на нас обоих.

Вопрос Элизабет касательно моего самочувствия был оправдан. Раз в месяц, незадолго до положенного женщине недомогания, я испытывала неприятные ощущения. Причем сначала это было более-менее терпимо, но в последний год даже обезболивающие не всегда помогали. И сейчас как раз подходил срок.

Врач в пансионе разводила руками, мои анализы были в относительной норме, и никаких идей насчет моего недуга у нашего медика не было. Я же, как это свойственно всем молодым и практически здоровым, не заикливалась на проблеме.

Ну болит иногда живот, так не каждый же день, правда?

В поместье была суета. Маршал привез с собой слуг. Судя по их количеству, столичный особняк Холдов размерами превышал поместье в несколько раз. Людей было непривычно много. Сам хозяин встречать дочь не вышел. Не потому, что не любил Лиззи, нет. У него был гость, и они обсуждали что-то важное в закрытом изнутри кабинете. Это сообщил нам незнакомый слуга – пожилой мужчина приятной наружности.

– Спасибо... – только и смогла сказать Лиззи в ответ на исчерпывающую информацию.

– Кростос, – подсказал мужчина. – Я служу дворецким в доме вашего отца, юная госпожа. Никки, конечно, тоже не вышел встречать нас. Но к этому-то мы давно привыкли. Он всегда появлялся рядом неожиданно. Раз – и он уже тут. Давным-давно сидит в самом дальнем углу комнаты и что-то чертит в большом блокноте. Как-то раз я заглянула ему через плечо, уж очень сосредоточенно он выводил карандашом надписи, а потом усиленно чиркал.

Заглянула. Ничего не поняла среди множества цифр, неизвестных мне символов и странных картинок. Тогда я еще не знала о неординарном уме младшего Холда, и увиденное поразило меня.

В этом черно-белом хаосе линий лишь слепой не увидел бы идеального порядка нечеловеческой логики.

Диана убрала мои волосы в высокий пышный пучок, Лиззи блистала кудряшками. Мы обе были хороши, обе знали об этом и обе не могли дождаться вечера, чтобы как следует в этом убедиться.

До самого вечера господин Николас не покидал кабинета. Мы уже делали ставки на личность его загадочного собеседника. От самого императора до старого ректора имперской военной академии. Вдруг папа решил попросить того присмотреть для дочери кого поприличней? А может, и мне чего перепадет?

Каково же было мое удивление, когда вечером вместе с маршалом в столовую вошел мой отец.

– Папа? – не поверила я своим глазам.

– Здравствуй, дочка, – вымученно улыбнулся он и одними губами добавил: – Потом.

До праздника оставались считанные минуты, я сидела как на иголках и не сводила взгляда с отца – боялась, что он исчезнет, так ничего и не объяснив. Когда часы пробили без четверти восемь, он спешно засобирался. Я выскочила из-за стола и бросилась за ним. Господин Николас схватил меня за руку.

– Никаких глупостей, – сказал он и чуть сильнее сжал пальцы.

Я будто очнулась. С того момента, как вошел маршал, я не удосужилась даже взглянуть в его сторону. Испуганно дернулась и с ужасом поняла, как близко находится ко мне его лицо. Пушистые загнутые ресницы, сеточка мелких морщин в уголках светло-карих глаз и я, застывшая в их отражении.

Страх парализовал меня. Кивок дался с таким трудом, будто бы для этого мне пришлось подчинять чужое, а не собственное тело. Холд отпустил мою руку и с неудовольствием посмотрел на уже явственно проступающие отметины на коже. Я спрятала ладонь за спиной. Как будто была виновата в его несдержанности.

– Папа? – чуть слышно прошептала Лиззи.

– Пять минут, – сухо бросил господин Николас и отвернулся.

Мне не нужно было напоминаний, я побежала за отцом. В дверях налетела на Никки, чуть его не свалив. Плечом задела косяк, наверняка поставив новых синяков, и даже не извинилась перед мальчишкой за невольный контакт. Доза успокоительного – и он будет в норме. Сможет запереться во время приема, ссылаясь на это происшествие, и Холд-старший не откажет ему.

Никки никто никогда не отказывал.

«Зато накажет за сорванные планы тебя. С чего бы ему вздумалось устраивать это мероприятие? Вряд ли причина кроется в сватовстве Лиззи. Показать политикам сына – вот чего он хотел», – поняла я.

Отец ждал меня у автомобиля. Я сбежала со ступеней и очутилась в родных объятиях. Набросилась на него с поцелуями, а он целовал в ответ, гладил меня по голове и причитал, что его девочка стала совсем взрослой без него.

– Что происходит, папа? – наконец оторвались мы друг от друга.

– Господин Бонк. – Водитель Холдов постучал по циферблату.

– Тебе нельзя в Эдинбург, – серьезно сказал отец. – Не знаю, сколько это продлится, но пока ты будешь жить в этой семье.

– Почему?

Он лишь помотал головой.

– Храни тебя Господь, дочка, – крепко обнял на прощанье и сел в машину.

Автомобиль сдвинулся с места. Я смотрела ему вслед и обняла себя руками, пытаюсь согреться. Кто-то набросил мне на плечи пиджак. Дразнящий аромат дорогого одеколона, смешанный с запахом табака и другим, еле уловимым. Мужским.

– Добро пожаловать в семью, – тонко улыбнулся маршал и вернулся в дом.

Я стояла на улице до тех пор, пока первые гости не стали съезжаться к поместью. Почти такой же, как и у хозяев, автомобиль медленно двигался по дорожке из гравия. Оттуда вышла пожилая пара, а следом молодой человек, лет двадцати пяти на вид. Вероятно, супруги, они прошли к входу в дом, с удивлением покосившись и на мой наряд, и на совершенно отсутствующий взгляд.

Да только мне было все равно. В голове билась лишь одна мысль: почему я была настолько слепа? Почему все эти годы принимала нелепые отговорки об отсутствии денег, почему ни Лиззи, ни Диана никогда не предлагали мне оплатить билет? Ведь каждая безделушка, каждое платье, которые я получала от них в огромных количествах, превышали стоимость поездки до Эдинбурга во много раз.

– Добрый вечер, – кто-то вежливо поздоровался со мной.

– Добрый, – машинально ответила, по-прежнему глядя в одну точку.

– В этом доме весьма радушно встречают гостей, – с легкой иронией в голосе продолжил навязчивый собеседник.

Я пожалала плечами.

– Вы простудитесь, – сказал он мне. – Маршал будет недоволен. Да и я не прощу себе, что недоглядел за вами.

Мужчина оказался настойчив, что было сейчас совсем некстати. Конечно, я давно догадалась, что говорила с гостем. Симпатичный молодой человек, из тех, которых как будто бы когда-то встречал. Темноволосый, темноглазый, с россыпью веснушек на носу.

«Мило», – решила я.

– Окажете мне честь станцевать с вами? – вдруг спросил он. – Не зря же мы явились первыми, надо снимать пенки! – весело рассмеялся мужчина и подал мне руку.

Я не смогла не улыбнуться в ответ.

– Меня зовут Эдриан Слоун, – представился он, внимательно разглядывая мое лицо. – Знаете, я ведь не хотел ехать. И впервые в жизни рад, что поддался уговорам маменьки, – вы прекрасны, Элизабет.

Мы вошли в особняк. Я скинула пиджак господина Николаса, подала вещь тут же подошедшему слуге и повернулась к Слоуну.

– Благодарю за комплимент, Эдриан.

Он довольно сощурился, будто бы то, как я произнесла его имя, доставило ему удовольствие. Взяла у лакея бокал шампанского с подноса и со смешком призналась:

– Только я не Элизабет.

– И кто же вы, если не юная госпожа Холд? – нисколько не поверил мне Эдриан.

– Бонк, – раскрыла я инкогнито. – Алиана Бонк.

Никогда я не видела на лице человека столь быстрой смены эмоций. От почти счастья до удивления и... обреченности.

– А вот и Элизабет! – делано обрадовалась я показавшейся в дверях подруге и подозвала ее жестом.

Эдриан, надо отдать ему должное, почти мгновенно взял себя в руки и улыбался сияющей Лиззи почти так же лучезарно, как и мне несколько минут назад.

Я представила молодых людей друг другу и оставила их, отговариваясь совершенно нелепым женским предлогом – то ли усталостью, то ли головной болью. Мне хотелось спокойно все обдумать, и компания, пусть и такая замечательная, для этих целей не требовалась.

Но я забылась. Господин Холд ясно дал понять, что желает видеть меня на празднике. Едва я шагнула на первую ступень лестницы, ведущей в спальни, он окрикнул меня и приказал вернуться в столовую к госпоже Диане. Мне ничего не оставалось, как последовать его распоряжению. Мама Лиззи взяла меня за руку, и только небо знает, чего мне стоило не выдернуть ладонь.

Маршал встречал гостей один, будто прием этот проходил не в имении, а столице и не было у дома хозяйки. Госпожа Диана ничем не выказала недовольства, наоборот, шутливо заметила, что таким образом супруг снимает с нее самые тягостные обязанности.

Гостей, вопреки моим ожиданиям, было не так много. Эдриан и чета Слоунов – пожалуй, одни из самых богатых в империи промышленников, шепнула мне Лиззи чуть позже. Три министра с женами и несколько военных чинов разных возрастов и рангов. Мы все уместились за большим овальным столом. На меня и Лиззи поглядывали с интересом, и только Эдриан избегал встречаться со мной глазами. Всякий раз отворачивался, когда я смотрела в его сторону.

И все же я чувствовала его внимательный взгляд. Как будто он не просто смотрит, а изучает каждую черточку моего лица, запоминая.

Никки не было, наверняка покинул столовую, еще до того, как Слоуны вошли в дом. Когда гости окончательно расселись, господин Николас поднялся с бокалом в руке, чтобы произнести приветственный тост.

– Дорогие гости, несказанно рад видеть всех здесь. К сожалению, мой график не позволяет проводить в Южном больше времени, а мое семейство прочно обосновалось в поместье и наотрез отказывается перебираться в столицу... – Он отсалютовал бокалом смущенно зардевшейся госпоже Диане. – Но я счастлив наконец собрать под одной крышей две такие разные, но важные части моей жизни.

Дамы кокетливо захлопали ресницами, мужчины одобрительно закивали. Лиззи, место которой было по другую сторону стола, рядом с Эдрианом, счастливо улыбалась, я же натянула на лицо вежливую улыбку, прячась за маской любезности от настойчивого, плохо скрываемого внимания всех этих людей.

«Кто это? Что она делает в доме маршала? Почему сидит с нами за одним столом?» – мне не нужно было уметь читать мысли, все это крупными буквами было написано в чужих глазах.

– Вы уже знакомы с моей очаровательной женой, – продолжил Николас свою речь, госпожа Диана кивком подтвердила слова супруга, – позвольте представить вам мою дочь – Элизабет Холд.

Лиззи поднялась из-за стола и мило смутилась. Мужская половина гостей одобрительно заурчала, дамы покровительственно кивали.

– Моему сыну, к сожалению, нездоровится, – безо всякого сожаления сказал господин Холд, – но я с радостью познакомлю вас с прелестной воспитанницей нашей семьи. – Алиана, встань, пожалуйста.

Я поднялась и расправила плечи, смутно догадываясь, что несколько минут назад сделала неправильный вывод. Сына ли господин Холд хотел показать первым лицам страны или меня?

– Алиана – давняя подруга моей дочери, – сообщил нам маршал. – Она приехала на обучение из далекой северной глубинки и сразу покорила всю нашу семью.

Я оглядела холеные лица. Брезгливость – вот что они испытывали, глядя на меня. Приживалка, определили они мою роль в этой семье. Что ж, отчасти это было правдой.

– Ах да, – делано опомнился Холд. – Алиана родом из Эдинбурга. Наверняка вы слышали о Бонках?

Одна из дам, яркая брюнетка в золотом, насмешливо изогнула бровь:

– Бонки? – Она кокетливо улыбнулась Холду. – Никогда не слышала.

Маршал изогнул губы в улыбке, но глаза его по-прежнему оставались холодны.

– А не те ли это знаменитые проводники северного леса? – задумчиво протянул один из гостей. – Николас, ты что же, решил лично удостовериться в правдивости баек? – иронично спросил он.

– Я уже убедился, Теодор. Сказки. Алиана чудесная девочка, добрая и смышленная. Может быть, даже умнее ровесниц, но...

– Никакой связи с лесом, разумеется, – подхватил его собеседник.

– Разумеется, – подтвердил маршал.

– Связи с лесом? – рассмеялась брюнетка. – Кажется, я вспомнила. Дремучий северный край с дикими нравами. Это ведь Бонки не позволили вести железную дорогу через Эдинбург, и мы были вынуждены прокладывать путь до Северного моря в обход, многократно увеличивая затраты. Что там они говорили, нельзя тревожить духа леса? Духа леса, боже мой, это ведь надо такое придумать, – покачала она головой.

Я сжала челюсти, с трудом удерживаясь, чтобы не нахамить. Что эта южанка может знать о севере? Кто дал ей право смеяться над нашими решениями, нашими традициями и нашими чудовищами!

– Как бы то ни было, император принял такой ответ, – улыбнулся господин Николас. – Семейство Алианы слишком долго находилось в изоляции и не понимает современных реалий. Но и империя виновата в этом, мы сами запретили Бонкам покидать пределы Эдинбурга. Император лично издал соответствующий указ еще в первый год после присоединения провинции.

С каждым его словом мне становилось тяжелее дышать. Так вот почему мама никогда не была в империи! Вот почему отец никогда не брал нас с собой в свои короткие вылазки в большой мир. В нашей семье урожденной Бонк была мама, отец взял фамилию жены, как это и было принято у северян, если последний представитель угасающего рода – женщина.

Но почему... почему мне ничего не говорили об этом запрете? И почему позволили учиться в империи?

– Неужели Александр отменил свое слово? – не поверил сосед Эдриана.

– Александр? – широко улыбнулся маршал. – Нет, что вы. Никогда. Император не меняет своих решений. Дело в том, что чета Бонков отказалась от родительских прав на старшую дочь.

Я пошатнулась, но успела взять себя в руки, прежде чем гости, будто по команде, посмотрели на меня. Пренебрежение в их взглядах сменилось жалостью и какой-то брезгливостью. Мать Эдриана с ужасом взглянула на сына и чуть было не выронила из рук бокал, ее супруг успел спасти и скатерть, и платье жены. Только Элизабет удивленно переводила взгляд с отца на гостей и обратно.

Почему родители отказались от меня? В чем была моя вина? И была ли она?

Перед глазами встало уставшее лицо отца, потухший взгляд и вымученная улыбка. Нет! Не верю, этого просто не может быть! Они любят меня!

Ральф, Рэндольф, короткие звонки мамы, слова, полные неподдельной тоски по дочери и сестре...

Я посмотрела на хозяина дома и будто впервые увидела его. Мужчина наслаждался реакциями гостей. Красивый, сильный и абсолютно чужой не только мне, но и своим женщинам.

Враг, укравший у меня семью.

Я расправила плечи и взглянула прямо ему в глаза. Господин Николас хищно улыбнулся в ответ и поднял бокал, чтобы затем громко произнести:

– С этого дня Алиана носит нашу фамилию. Чудесно, не правда ли?

Глава 3

- Я могу сесть, господин Николас? – в абсолютной тишине мой голос казался чужим.
- Садись, Алиана, – разрешил мужчина.

Я медленно опустилась на стул. Дрожащей рукой взяла наполненный бокал и пригубила ледяное вино.

Внутри клокотала буря. Я не понимала мотивов Холда-старшего, недостаток информации сводил с ума. Впервые в жизни мне стало по-настоящему страшно за будущее, потому что иллюзорное чувство власти над собственной судьбой исчезло.

Алиана Холд...

Маршал поднял бокал, призывая гостей поприветствовать нового члена своей семьи. Госпожа Диана улыбалась мужу. Гости смеялись, говорили комплименты хозяину дома и исподволь смотрели на меня со все возрастающим интересом, будто приценивались. Стоит ли новая северная лошадка своей цены, стоит ли поставить на нее в следующем забеге?

– И что же дальше? – Господин Теодор прокрутил в руке ребристую ножку бокала. – Мы можем рассчитывать, что в ближайшее время скучный императорский двор будет украшен новыми лицами?

– Непременно, – посмотрел на дочь Николас. – И Элизабет, и Алиана будут присутствовать на ежегодном Весеннем балу. По-моему, это прекрасный подарок им обоим на окончание пансиона.

Я кинула быстрый взгляд на подругу. Лиззи задумчиво закусил губу. Императорский бал. Мечта каждой юной девушки. Но не Элизабет. Подруга истово желала продолжить обучение в университете. Бал, на котором традиционно заключались договорные помолвки, мог стать еще одним препятствием на пути к цели. Какой аристократ разрешит будущей супруге стать врачом?

«А ты, Алиана? Что теперь станет с тобой?» – прочитала я немой вопрос в ее глазах.

Все эти годы я искренне сочувствовала Элизабет и ее матери, девочкам из пансиона и всем имперским аристократам, вместе взятым. Да, они были богаты и образованны, зачастую красивы и даже талантливы, но бесправны. Собственность мужей и отцов. Украшения мужчин, которым изредка, вот как этой черноволосой красавице, супруги позволяли что-то большее, чем рожать детей в отдаленном поместье.

Северяне же были слишком бедны и далеки от двора, чтобы перенять этот уклад. Наши женщины воспитывались наравне с мужчинами. Прожив в империи много лет, я даже могу сказать, у нас был почти матриархат.

Я ободряюще улыбнулась подруге. Ничего, милая. Мы справимся. Господин Николас, вероятно, не понимает, кого удочерил. И возможно, вдвоем у нас получится уговорить его отправить тебя учиться и повременить с замужеством.

А что до меня...

Я всегда могу сбежать в Эдинбург. Даже сейчас, закрывая глаза, я знаю, в какой стороне север, и будто слышу дыхание мрачного и негостеприимного леса за своей спиной. Негостеприимного для чужих и ласкового, будто кошка, для любого из Бонков. Пусть и названного сейчас чужим именем.

– Расскажите нам о севере, Алиана, – выдернул меня из собственных мыслей ленивый вопрос брюнетки. Госпожа Кэтрин, кажется, так звали эту холеную женщину.

– Что вас интересует? – отставила я бокал, изображая готовность поддержать беседу.

– Что интересует? – задумчиво повторила она вопрос. – Ваша провинция окутана таким таинственным флером, что я даже не знаю, с чего начать. Хотя бы северные маги. Это правда, что среди ваших мужчин рождаются одаренные? – изогнула она бровь.

Во взгляде ее не было ни намека на интерес.

– Маги, – расхохотался ее супруг. – Дорогая, где ты наслушалась этих сплетен?

Он был значительно старше жены и смотрел на нее словно на неразумного ребенка, разворачивающего новую игрушку, чтобы затем поскорее попробовать ее на зуб. И такой игрушкой была для нее я.

– Смотря что вы подразумеваете под даром, *дорогая* Кэтрин, – улыбнулась я. – Наши мужчины, к примеру, не имеют ни фактической, ни юридической власти над своими женщинами. Наши брачные традиции не допускают принуждения и договорных браков. Наши женщины наследуют отцам, и даже имена своим детям мы даем сами.

– Какое варварство, – тихо охнула гостя по правую руку от меня.

– Но, несмотря на эти «варварские» традиции, наши мужчины, вне всякого сомнения, имеют вес в своих семьях и весьма уважаемы. Это ли не дар? – Я отсалютовала Кэтрин бокалом.

– Какая прелесть! – рассмеялась женщина и оскалилась.

В глазах ее стояла такая неприкрытая ненависть, что на миг я успела пожалеть о своем ребячестве. Кого я посмела дразнить? Змею, гораздо более опытную и старшую. Ту, кто давно привык прятать истинные чувства под маской воспитанной жены и дочери. Истинную аристократку.

– Не переживай, Алисия, – обратилась Кэтрин к блондинке. – Девочка еще слишком юна и неопытна, а недостаток воспитания легко исправит наш дорогой маршал. Я ведь права, Николас?

Все внимание разом сосредоточилось на стройной фигуре маршала. Я же перестала дышать, ожидая ответ.

– Вне всякого сомнения, госпожа Кэтрин. Вне всякого сомнения, – улыбнулся мне мужчина.

Кэтрин, на которую хозяин дома даже не взглянул, излишне резко промокнула салфеткой красные губы. Пожалуй, единственный жест, выдавший ее раздражение.

– Да, госпожа, – проследила я за тем, как она поднимает бокал, – среди северян действительно рождались маги. Правда, крайне редко. Последний одаренный умер еще до нашего единения с империей, однако записи о его возможностях сохранились. Его сила была связана с водной стихией. В хрониках говорится об изменении им течения рек, призывах дождя в засушливые годы и укрощении снежных буранов, которые до сих пор наносят непоправимый урон экономике региона в зимний период.

– Северяне нашли магам достойное применение, – иронично заметила она и откинулась на спинку стула, демонстрируя плавный изгиб длинной шеи и блеск драгоценных камней.

– Сказки, Кэтрин, – возразил ей муж, любуясь супругой. – Что ты скажешь на это, Николас?

– Сказки, – подтвердил маршал, довольно оглядывая меня. – Я видел эти хроники. Если и был у этого «мага» дар, так это был дар убеждения. Он виртуозно выманивал деньги с северных северян.

Госпожа Кэтрин заливисто рассмеялась. На лицах гостей появились улыбки. Элизабет поджала губы и собиралась что-то сказать. Полагаю, как и я, она не могла не увидеть излишне вызывающего поведения аристократки. Диана испуганно смотрела на дочь, жестом приказав той промолчать. Я же вновь оглянулась на маршала и встретилась с ним глазами.

Недосягаемый, далекий и холодный, как северная звезда, все эти годы он был для меня скорее портретом в дневнике Элизабет, чем живым человеком. Я никогда не стремилась узнать его ближе, скорее наоборот, неосознанно избегала встреч. Его аура подавляла, а я не выносила давления.

Вот и сейчас его изучающий взгляд ощущался металлическими тисками, вырваться из которых было невозможно. На миг мне показалось, что даже время испуганно сжалось, признавая чужую силу.

В странной вязкой тишине я услышала медленный стук своего сердца, которое вдруг резко сорвалось на бег. И в этот миг мое тело отомстило мне за невнимательность – тревоги и потрясения этого дня многократно усилили обычный приступ ежемесячного недомогания.

От боли у меня перехватило дыхание, одной рукой я схватилась за стол, а вторую прижала к животу.

– Ана? – испуганно спросила Элизабет.

– Простите, – прошептала я, удерживая сознание на одном лишь упорстве.

В столовой Холдов исчезли стены, и большой овальный стол теперь стоял посреди лесной чащи. Под моими ногами стелился влажный мох, в нос ударил болотистый запах травы. Я подняла глаза на гостей. Эдриан что-то быстро мне говорил, но я не слышала. Повернула голову. Элизабет, Диана, маршал были словно сотканы из тумана и медленно таяли, превращаясь в причудливые узоры древесной коры. Сознание раздвоилось, одна я задыхалась от боли в чьих-то руках, а другая была абсолютно здорова в Эдинбургском лесу и, смеясь, собирала в горсти редкий солнечный лучик, неведомо как пробравшийся в чашу.

Может быть, вместе со мной?

– Что с ней?! – словно сквозь вату услышала я перепуганный голос Дианы.

– Эдриан, вы ведь врач! Сделайте же что-нибудь! – кричала Элизабет, а я сделала шаг в темное утро леса.

Летняя полянка исчезла, макушки деревьев укрывал снег, и вечернее небо, отражаясь от ослепительной белизны, казалось лиловым.

Я не чувствовала холода, сугробы мягкой ватой скользили под ногами. Протянула руку, чтобы дотронуться до приветственно протянутой мне еловой лапы, и с удивлением увидела, что пальцы мои пропускают свет.

– Пульс замедляется! – выкрикнул Эдриан. – Кто-нибудь, срочно принесите мой саквояж из автомобиля!

– Сейчас! – всхлипнула Лиззи.

Я хотела успокоить подругу, сказать, что все уже хорошо, я совсем не чувствую боли, но не могла. Всем существом потянулась туда, где было сейчас мое тело, и даже услышала презрительные слова госпожи Кэтрин.

– У девочки явный талант. Такая игра, я почти поверила. Может быть, Николасу стоит задуматься об актерской карьере для приемной дочери? Ах да... это ведь профессия плебсов.

Я моргнула, увидев над собой обеспокоенное лицо Эдриана, но затем услышала, как ветер тоскливо пропел мое имя.

«А-ли-а-на», – звал меня лес или что-то, что много веков живет в его глубине.

«А-ли-а-на», – скрипели деревья и расступались, пропуская меня все дальше и дальше.

В детстве я частенько бегала в лес. Дикие животные не трогали меня, а чувство направления не позволяло заблудиться, но все же я не уходила от крепости слишком далеко. Несмотря на то что лес благоволил к нашей семье, мы были здесь всего лишь гостями, но не хозяевами. И те из нас, кто по какой-то причине забывал об этом, дорого платили за свои ошибки. Даже Бонки не всегда находили дорогу домой.

Но сейчас, в этой странной яви, больше похожей на сон, не было рядом никого, кто мог бы заставить меня одуматься, и я шла все дальше и дальше, туда, куда звал меня ветер.

Далеко впереди что-то светилось нежным перламутровым светом, а я вдруг вспомнила страшную сказку, которую братцы каждый вечер просили перед сном. Мы – дети Эдинга, и предок наш много веков назад спас северян от демона, захватившего этот лес и эти земли. В тот миг, когда меч сурового воина разрубил тело врага, хлынула во все стороны кровь, навсегда

окрашивая деревья в багряный, а плоть демона окаменела, навечно запирая чуждые этому миру силы.

Я остановилась и увидела под ногами красный кленовый лист. Оглянулась. Снег исчез. На маленькой поляне, на которой я стояла сейчас, царила осень.

«А-ли-а-на», – вновь шепнул ветер, приглашая следовать за ним.

Я шагнула, но манящий свет не стал ближе, снова сделала шаг и застыла, почувствовав чужое прикосновение.

Кто-то взял меня за руку.

«Остановись», – приказал мне тихий голос, хозяина которого здесь не было.

Я посмотрела на тонкую ладонь, уверенно держащую мои пальцы, а потом увидела ее обладателя, с каждым мигмом проявлявшегося в моем лесу все отчетливей и ярче.

Тонкий, высокий, совсем мальчик или юная девушка, он так знакомо качнул головой, откидывая длинную челку.

«Никки?» – протянула я руку, чтобы убрать отросшие волосы, мешающие мне разглядеть его лицо.

Но он крепко взял меня за запястье, не давая этого сделать.

«Не нужно», – покачал он головой.

«Ты говоришь...» – вдруг поняла я и улыбнулась.

«Иногда», – улыбнулся он в ответ.

«Но что ты делаешь здесь?» – нахмурилась я, чувствуя странное, будто даже чужое недо-вольство от его вторжения.

Что в этом странном лесу, рожденном моим подсознанием, делает тихий и незаметный Никки? По какому праву младший Холд оказался в моей голове?!

Я попыталась отступить назад, желая вновь оказаться как можно дальше от Николаса и всей его семьи, пусть даже горячо любимая мною Лиззи была ее частью, но не смогла сдвинуться с места.

«Я пришел за тобой», – ровно сказал мальчик и обхватил мою голову руками.

Мы стояли напротив друг друга, Никки был почти одного роста со мной, и теперь я видела его глаза, глубокие, темные и холодные, словно лесные озера.

«Капкан», – обреченно поняла я, когда не смогла ни отвести взгляд, ни даже пошевелиться.

Мир качнулся, алые листья вокруг закружились, сливаясь в кровавый вихрь, а затем я осознала себя лежащей на кушетке в вишневой гостиной особняка Холдов.

Элизабет держала меня за руку, Эдриан прижимал вату к моему предплечью, в которое, судя по неприятному ощущению, только что сделал укол.

Чуть в стороне стояла испуганная Диана, а за ней и господин Николас, на бледном лице которого ходили желваки.

Злитесь? Плевать! Может быть, произошедшее заставит его отменить решение об этом абсурдном удочерении?

– Где Никки? – хрипло спросила я, не найдя младшего Холда взглядом, но отчего-то уверенная, что он непременно должен быть рядом.

– Ана, ты очнулась! – воскликнула Лиззи.

– Никки? – переспросил Эдриан.

– Это мой младший брат, – так же недоуменно ответила ему подруга и, погладив меня по руке, сказала: – Он, наверное, в своем крыле, если хочешь, я попрошу Крестоса или кого-то из слуг сходить за ним.

– Господин Слоун? – требовательно спросил маршал.

– Жизненные показатели в норме, – повернулся Эдриан к хозяину дома, – и все же я настоятельно рекомендую немедленную госпитализацию.

– Милая, ты так нас напугала, – подошла ко мне госпожа Диана.

– Простите. – Я поставила ноги на твердую поверхность пола и села, держась за подлокотник кушетки. – Не нужно больницы, – повернулась я к Слоуну, который уже собирался что-то мне возразить. – Врачи в пансионе неоднократно обследовали меня, я полностью здорова.

– У здоровых не бывает таких обмороков, Алиана, – мягко ответил мужчина. – Вам нужна помощь, и в этом нет ничего постыдного, – взял он меня за руку и нежно сжал пальцы.

– Я ничуть не стыжусь, – вымученно улыбнулась. – Да, я действительно тяжело переношу женские недомогания. Врачи говорили, это особенность моего организма. Сегодня я, вероятно, переволновалась. Вот и результат.

– Вы были почти в коме, Ана, – покачал он головой, так и не выпуская моей руки. – Поверьте мне, не бывает у женщин таких особенностей.

– Довольно! – резко бросил маршал. – Эдриан, благодарю вас за помощь, я непременно воспользуюсь вашим советом и лично сопровожу Алиану в госпиталь.

Я поднялась на ноги, чтобы выразить протест, но господин Холд выставил перед собой ладонь, останавливая меня.

– Мне стоило сделать это давным-давно, еще тогда, когда я получил первые отчеты врачей из пансиона.

Понимание, что все эти годы маршал получал сведения обо мне, неприятно кольнули.

«Капкан», – вновь застучало в ушах.

– Я не могу потерять тебя, Ана, – тоном, не терпящим возражений, добавил господин Николас.

Мне же от его слов стало не по себе. Что значит его «не могу»? Какую роль он отвел мне в своих планах? Никогда не поверю, что этот холодный, словно ледяная глыба, человек за несколько наших встреч проникся ко мне отцовскими чувствами.

Это просто смешно!

– Я мог бы отвезти Алиану прямо сейчас, – встал с кушетки Эдриан. – Поверьте, в нашей больнице установлено самое современное оборудование и работают высококвалифицированные специалисты.

– Действительно, дорогой, – положила Диана руку на локоть мужа. – До столицы несколько часов езды, и лучше бы девочке провести их под присмотром доктора.

Господин Холд посмотрел на жену. Не знаю, что она увидела в его глазах, но Диана отняла руку и спрятала ее за спиной.

– Думаю, вашего укола нам будет достаточно, чтобы доехать до военного госпиталя. Это ведь адреналин? – уточнил маршал.

– Именно, – нахмурившись, подтвердил Слоун.

– Николас, но как же твои гости? – тихо спросила Диана. – Не лучше ли воспользоваться предложением Эдриана?

Господин Холд задумчиво на меня посмотрел.

– Можно мне поехать с Аной, папа? – спросила его Лиззи, пока Эдриан заботливо упаковывал медицинские приспособления обратно в саквояж.

– Хорошо, – кивнул маршал. – Вечером я заеду в больницу и заберу вас обеих.

– Если медики позволят, господин Холд, – с улыбкой заметил Слоун.

– Будем надеяться, – серьезно ответил ему мужчина. – Не заставляйте же меня жалеть о своем выборе.

Глава 4

Я села на краешек кровати, чувствуя, как скользит ткань платья по гладкому шелку покрывала, и бездумно уставилась на обтянутые чулками колени.

Бледная как мел Лиззи суетливо рылась в моем шкафу и без умолку говорила, таким нехитрым способом пытаясь отвлечь себя и меня от произошедшего.

– Сейчас-сейчас, – выглянула она из-за дверцы шкафа. Губы ее дрожали. – Какую юбку ты хочешь? Синюю? Зеленую? Вот, думаю, эта идеально подойдет! – в конце концов решила она и положила рядом со мной что-то светло-зеленое. – А теперь кофту! – нарочито бодро заявила Элизабет, вновь ныряя в темное нутро гардероба.

Я вздохнула, не глядя вытащила шпильки из пучка, чувствуя почти болезненное удовольствие от этого действия. Волосы упали за спину, а я наклонилась, чтобы аккуратно стянуть чулок, не поставив на нем ненароком зацепки. Привычка беречь подарки Холдов осталась у меня с первых лет пансиона. Помню, получив от Элизабет первый в своей жизни шелковый платок, я долго ждала, когда она одумается и заберет его обратно. Время шло, подарков становилось все больше, а тот первый платок так и остался лежать в моей прикроватной тумбочке в нашей с Лиззи спальне. Я так ни разу и не надела его.

– Белая или бежевая? – тем временем громко размышляла Элизабет.

Я тяжело вздохнула и потеряла виски.

– Сядь со мной, Элизабет, – попросила ее я.

Она дернулась, но выполнила просьбу и уселась на маленькой банкетке напротив, прикусив губу и опустив глаза в пол.

Я успела расстегнуть молнию на платье, снять один чулок и потянулась проделать то же самое со вторым, а она так и не произнесла ни слова.

– Ты ведь знаешь, Ана, я люблю тебя так, как могла бы любить родную сестру, – наконец прервала подруга неловкое молчание.

– Знаю, – тихо ответила я. – И я люблю тебя, Лиззи.

Она всхлипнула.

– Я мечтала назвать тебя сестрой, но не такой ценой! – воскликнула она, а потом закрыла лицо руками, чтобы спрятать слезы.

Я нахмурилась. Мой недавний обморок не просто напугал ее. Всегда рассудительная и спокойная подруга была на грани нервного срыва, и я не знала, какие подобрать слова, чтобы ее утешить.

– Прости меня, Алиана, – еще горше разрыдалась она. – Прости!

– Господи, Лиззи, да ты-то тут при чем?! – Я вскочила с кровати, чтобы обнять ее и успокоить, но не успела. Кто-то рывком открыл дверь в мою спальню, так, что она громко ударилась о стену, а я дернулась от неожиданности.

В комнату ворвался разъяренный господин Холд.

– Что происходит?! – спросил нас отец Элизабет.

– Ничего, – ответила подруга, поднимаясь на ноги. Страх перед отцом заставил ее мгновенно взять себя в руки.

Холд-старший недовольно оглядел дочь, а затем и растрепанную меня, и одинокий черный чулок на моей кровати. Я покраснела до корней волос, чувствуя себя крайне неловко, и зачем-то схватила предложенную подругой светлую юбку. То ли чтобы прикрыться, то ли чтобы занять руки.

– Ты слышала, что сказал господин Слоун? – строго сказал дочери Холд.

– Прости, – спала она с лица. – Этого больше не повторится.

– Эдриан ждет в машине, и тебе, Элизабет, тоже стоит переодеться, – сказал господин Николас и вновь посмотрел на меня.

– Конечно, – выдавила Лиззи улыбку и быстро вышла из моей комнаты.

Мы с ее отцом остались наедине.

Он внимательно взгляделся в мое лицо, затем опустил взгляд ниже, нахмурился, увидев синяк на моей руке, и нервно дернул шеей, когда заметил болтающийся ниже колена черный чулок.

– В столице дожди, – ровно произнес мужчина. – Наденьте брюки.

Я кивнула и, когда он вышел, плотно прикрыв за собой дверь, швырнула эту злосчастную юбку на пол, таким дурацким образом выражая свой нелепый протест.

«Никаких глупостей», – приказала я самой себе. Истерикой я совершенно точно ничего не добьюсь.

«Разобраться со здоровьем. Связаться с мальчишками. Выяснить, зачем я могла понадобиться Холдам и что со всем этим делать», – придумала я нехитрый план действий и, кивнув самой себе, надела брючный костюм.

Не будем провоцировать маршала.

«Кто знает, к чему это может привести?» – по спине пробежал холодок. Я вдруг вспомнила его глаза – последнее, что я видела перед тем, как глупо свалиться в обморок на глазах у гостей.

И странная нелогичная мысль, что именно Холд-старший стал причиной этого обморока, вызывала во мне какой-то иррациональный страх.

Страх, который я всегда испытывала в его присутствии.

Я взглянула на себя в зеркало, на ходу заплетая волосы в подобие косы, и вышла в коридор, где уже ждала Лиззи.

– Сразу видно, что ты дочь военного, – хихикнула я, отвлекаясь от невеселых мыслей и обещая себе непременно разобраться с природой своего страха.

– Это еще почему? – игриво спросила Элизабет.

– Потому, что простая женщина с такой скоростью передеваться не может! – заявила я и взяла посмеивающуюся подругу под руку.

Мы вышли на улицу через запасной боковой вход, чтобы не попасться на глаза гостям и лишний раз не напоминать им о неприятном инциденте. Обошли северное крыло, в котором жил Николас Холд-младший. Спрашивается, зачем ребенку, пусть и гениальному, апартаменты размером с крепость Бонков? А затем вышли на дорожку, ведущую к центральным воротам поместья.

Эдриан вышел из автомобиля, чтобы открыть нам с Элизабет двери.

– Я сяду назад, – сообщила я мужчине, когда он взглядом показал мне на место по правую руку от водителя.

Элизабет радостно защебетала, что теперь у нее будет почти три часа времени, чтобы как следует расспросить будущего коллегу о профессиональных тонкостях, и устроилась впереди.

Господин Слоун вежливо ей улыбнулся, а затем проводил меня к моему месту.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он, уверенно взяв меня за руку, чтобы затем сосредоточенно сосчитать мой пульс.

– В полном порядке, – с готовностью ответила я. – Уверена, больше ничего подобного не повторится.

– Сделаю все возможное, чтобы так и было, – серьезно сказал мужчина и открыл мне дверь.

Я вновь поблагодарила врача за участие и мимоходом обернулась на поместье, прежде чем сесть. На улице уже давно стемнело, окна огромного здания тепло светились на много миль вокруг, и только северное крыло младшего Холда зияло мрачной чернотой. Вдруг в одном

из окон зажегся свет, и я увидела тонкий силуэт Никки. Повинуясь сиюминутному порыву, махнула ему рукой. Пусть и сам того не желая, именно он вывел меня сегодня из призрачного леса. Но Николас-младший, увидев мой жест, только задернул плотные шторы.

Свет в его окне погас, а я села в автомобиль и улыбнулась.

Никки в Эдинбургском лесу. Какие странные мысли порой рождает подсознание...

В дороге меня укачало, и весь путь до столицы я тихонько дремала, периодически ворочаясь от веселого смеха Элизабет и Эдриана, который каждый из них пытался безуспешно сдерживать, чтобы меня не разбудить.

Проснулась я от света столичных фонарей. Несмотря на поздний вечер, в городе было светло почти как днем. Разноцветными огнями вдоль дорог горели бесконечные рождественские гирлянды, каждое здание на широком проспекте было украшено сияющими символами зимнего праздника, и я заинтересованно выглянула в окно, чтобы насладиться прекрасными видами ночной Вирджинии.

Лиззи с упоением делилась с водителем мечтами о будущей карьере хирурга или психиатра (она и сама пока не решила, что привлекает ее больше – гнойные раны или сумасшедшие), а Эдриан внимательно ее слушал или делал вид, потому что в зеркале заднего вида я несколько раз случайно ловила его заинтересованный взгляд.

– Нравится? – вдруг прервал он размышления Элизабет о выборе специализации. Вопрос его был адресован мне.

– Очень, – честно призналась я. – Никогда не была в столице.

– Если господин Холд позволит, я мог бы показать вам город, – любезно предложил мужчина.

– Это было бы чудесно, – повернулась ко мне Лиззи. – Правда, Алиана?

– Не думаю, что у нас будет на это время, – с сожалением отозвалась я. – Завтра вечером мы должны вернуться в колледж.

– А я ведь так и не потанцевал ни с одной из вас, милые дамы! Завтра же займусь приобретением приглашения на Весенний бал, – улыбнулся Эдриан.

– И дороги нынче балы? – рассмеялась я.

– Почти пять тысяч, – вздохнула Элизабет, а я мысленно присвистнула.

Пять тысяч импералов – стоимость обучения в столичном университете. Если бы Лиззи могла выбирать, то предпочла бы потратить деньги на дальнейшее образование.

Но имперские аристократки выбирать не могли.

Мне же и сотня солидов казалась огромной суммой – именно столько родители тратили на ежегодное содержание нашего дома.

Я дотронулась до мочек ушей, пальцами найдя крохотные серьги, сверкавшие на свету ничуть не хуже бриллиантов.

«Это ведь и есть бриллианты», – вдруг догадалась я.

Тело охватил неприятный озноб.

Холды тратили на меня не меньше, чем на родную дочь.

Почему?

Я снова посмотрела в окно. На крыше одного из зданий был установлен большой телевизионный экран, с которого сейчас широко улыбался господин Николас Холд.

– Ана? – позвала меня Лиззи.

– Все хорошо, задумалась, – успокоила ее я.

Мы приехали.

В огромной больнице было светло, стерильно чисто и пахло спиртом. Я позволила улыбающимся докторам провести с собой все необходимые для диагностики манипуляции, от сдачи крови (из меня выкачали, наверное, пару пинт) до размещения на мне неизвестных датчиков, призванных найти неполадки во вверенном им организме.

Лиззи была рядом и развлекала болтовней меня и диагностов. В конце концов разговоры их зашли в откровенно медицинские дебри, и я перестала понимать каждое второе произносимое ими слово.

– Простите, доктор, долго еще? – спросила я и зевнула.

Время давно перевалило за полночь, но столичная больница и не думала спать, кругло-суточно спасая жизни.

– Все, дорогая, одевайтесь, – сообщил мне симпатичный седой врач в белом халате.

– Что вы скажете, доктор Росс? – спросил коллегу Эдриан.

Он все это время терпеливо ждал диагноза за ширмой.

– Я не вижу ничего страшного в клинической картине, – ответил ему мужчина. – Ты и сам можешь видеть результаты тестов, Эдриан. Юная госпожа здорова.

Слоун придержал халат, который накинул поверх своего пиджака сразу по приезде в больницу, и взял из рук диагноста папку с отчетами, по пути бросая на меня мимолетный обеспокоенный взгляд.

– Человеческий организм – загадка, – улыбнулся мне господин Росс. – Сколько мы узнали за многолетнюю историю медицины, и сколького еще не знаем. Наша нервная система – наиболее сложный механизм, теперь вы видите, госпожа Холд, – обратился он к Элизабет, – даже самое современное оборудование и отмеченный регалиями врач порой не способны найти причину недомогания.

– Думаете, нервное потрясение? – уточнил у него Эдриан, листая содержимое папки.

– Полагаю, – пожал плечами врач. – Я выпишу госпоже витамины.

В кабинет постучали, и, получив разрешение войти, внутрь заглянула молоденькая и чем-то очень взволнованная медсестра.

– Доктор Росс, там... – она запнулась, невидящим взглядом осмотрела нас с Элизабет, а потом повторила, – там...

– Что там, Сара? – мягко уточнил врач.

– Там маршал? – растерянно спросила она у самой себя.

– Все в порядке, это за нами, – вежливо улыбнулась девушке Лиззи.

– Так я позову его? – сглотнула сестричка и, дождавшись согласного кивка, вышла за дверь.

– Чем это отец успел так сильно ее испугать? – задумчиво произнесла подруга.

– Испугать? – рассмеялся доктор Росс. – Что вы! Вашего отца боготворят, госпожа Элизабет, – тепло улыбнулся он подруге. – Сара просто никак не ожидала, что ее кумир окажется так близко.

Господин Холд зашел в кабинет и вежливо поздоровался с врачом. Пока мужчины обсуждали мое здоровье, я успела застегнуть пуговицы на вязаном кардигане и даже поправить выбившиеся из прически волосы.

Посмотрела в окно. Госпиталь находился на одной из центральных улиц столицы, и с высоты пятого этажа открывался чудесный вид на золотые купола знаменитого на весь континент Александринского собора. Жаль только, зимой в столичном регионе империи вместо пушистого снега шли дожди.

Я зевнула.

– Устали? – ласково спросил меня Эдриан.

– Немного, – не стала отрицать очевидного.

– Завтра я пришлю секретаря за подробным отчетом, – вдруг оборвал маршал доктора Росса. – Нам пора.

– Конечно, – понятиливо улыбнулся врач.

После недолгого прощания мы вышли в коридор, где Холда ожидали двое охранников. Прошли мимо сестринского поста, за которым стояла Сара. Девушка прижимала руки к пунцовым щекам и глупо улыбалась, невидящим взглядом уставившись в какой-то журнал.

– Благодарю за помощь, – кивнул ей господин Холд на прощание, на краткий миг задержавшись у ее рабочего места. Я шла позади и, чтобы ненароком не задеть его, сделала шаг в сторону, но он развернулся и неожиданно взял меня под руку.

– Осторожно, – сказал мне мужчина.

– До свидания, господин маршал, – крикнула девушка нам вдогонку.

– До свидания! – ответила за отца Элизабет.

Пожалуй, еще никогда я не была так близко к Холду-старшему. Мы шли нога в ногу, и его горячая ладонь на моей руке нервировала меня.

Эдриан вел нас, вероятно, каким-то другим путем, потому что эти коридоры были значительно параднее и шире, чем те закутки, по которым мы поднимались ранее. Большая мраморная лестница, на которую мы вышли через некоторое время, подтвердила мои догадки, и я поняла, что в больницу мы входили через служебный вход.

Центральный же холл поражал имперским размахом, обилием золота в интерьере и огромным портретом молодого императора Александра на одной из стен.

– Скоро вы сможете увидеть Александра лично, – заметил господин Холд мой интерес.

– С нетерпением жду этой встречи. – Я аккуратно высвободила руку, продолжая рассматривать портрет.

Тяжелый взгляд императора был поразительно точно передан художником, и единственное чувство, которое вызывало изображение, – это желание оказаться от него как можно дальше.

«Совсем как Холд», – промелькнула мысль, и я внимательнее присмотрелась к маршалу.

Я никогда не интересовалась политикой, и если и видела фотографии Александра в юности, то не особенно их рассматривала. Но сейчас сходство двоих мужчин поразило меня, и я застыла, лихорадочно вспоминая степень близости Холдов к императорскому роду.

– Алиана? – выгнул бровь маршал.

– Скажите, господин Холд, вам никогда не говорили, что вы почти копия Александра?

Он расхохотался.

– Вы потрясающе аполитичны, дорогая, – ответил мужчина, и это обращение неприятно резануло слух. – Говорили, и не раз, но в этом нет ничего удивительного – я прихожусь ему троюродным племянником.

Я кивнула, принимая объяснение. Сонный дежурный открыл нам дверь, и мы вышли на улицу.

Шел дождь. Молчаливый охранник раскрыл над нами зонт, а сам стойко шел рядом с непокрытой головой. Элизабет юркнула под второй зонт к его коллеге, и мы, ускорив шаг, направились к двум одинаковым автомобилям – маршала и его охраны.

Дорога до столичного особняка Холдов не была долгой. Крошечный дом приветливо распахнул свои двери, встречая нас. Недвижимость в центре Вирджинии стоила баснословно дорого, и я не питала никаких иллюзий насчет скромных размеров городского дома маршала. В отдельно стоящем особняке в центре столицы не было ничего скромного.

Две горничные, удивительно улыбчивые и бойкие для двух часов ночи, проводили нас с Элизабет в спальню. Я легла в кровать, но сон не шел. Меня мучила жажда, и, несмотря на некоторую скованность из-за отсутствия в еще незнакомом мне доме госпожи Дианы, я решила не тревожить Лиззи и самостоятельно навестись в кухню. Тем более шум давно утих, и все обитатели дома разошлись по своим спальням.

Взяла из шкафа халат, потуже затянула атласный пояс и вышла из комнаты. Кухня нашлась сразу, все же дом этот был не в пример меньше поместья в Южном.

Залпом осушила стакан, поставила его в мойку, выключила свет и вернулась в коридор. От усталости свернула не в ту сторону – это я поняла по горящему свету в открытой настежь комнате. Кабинет или библиотека, судя по стеллажам с книгами, которые я могла видеть из коридора.

Если бы я и была любопытной, то и тогда не стала бы заглядывать внутрь. Слишком опасным казался мне хозяин этого дома. Сердце застучало, и я сделала шаг назад, чтобы, не дай бог, не потревожить Холда, если он действительно там. Локтем задела картинную раму в коридоре. Звук был тихим, и все же маршал услышал.

– Заходи, – громко сказал мужчина, наверняка спутав меня с кем-то из слуг.

«Нет уж, спасибо», – поежилась я от перспективы провести с Холдом-старшим несколько минут наедине и тихонько шагнула обратно в сторону кухни, но господин Николас окликнул меня:

– Ну же, Алиана. Или тебе нечего спросить?

Глава 5

Кровь прилила к щекам, мысли лихорадочно заметались в голове. У меня было множество вопросов и странная уверенность в том, что ни на один из них я не получу честного ответа. Я чувствовала себя маленькой глупой мышью, которую матерый кот пригласил на званый ужин, вдоволь до того наигравшись.

И все же я пересилила страх.

Окинула себя придирчивым взглядом. Тонкий халат, пусть и длиной до пола, выглядел фривольно для беседы с мужчиной, а завязанный на манер банта пояс навевал ассоциацию с подарочной лентой.

Как будто гостья готовилась стать главным блюдом на праздничном столе.

«К черту!» – решила я и вошла.

В кабинете пахло табаком и кожей. Господин Холд сидел на темно-зеленом диване в углу комнаты и задумчиво вертел в руках бокал со льдом и чем-то бурным на дне.

– Ты очень напугала меня сегодня, девочка, – заметил мужчина и рукой указал мне на кресло напротив. – Садись, – приказал он, и я послушалась.

Присела на краешек, отмечая гладкость дорогой кожи под рукой, бросила взгляд на зеркальную дверцу, вероятно, бара и на отражение теперь уже пустого коридора в ней.

А затем прямо посмотрела на господина Николаса.

– Спрашивай, – небрежно разрешил он и сделал глоток.

– Зачем вы удочерили меня? – не стала я разводить политесов.

Холд недовольно поморщился.

– Алиана, – укоризненно покачал он головой, – не заставляй меня разочаровываться в вашем пансионе. Говорить прямо – немыслимо при императорском дворе.

– Я никогда не мечтала о дворцовой жизни, – упрямо ответила я.

– До весны ты как раз успеешь пересмотреть свои желания.

– И даже то, что Бонкам запрещено являться ко двору, не станет мне помехой?

– Не только ко двору, но и покидать Эдинбург, – поправил меня Холд. – Но это и есть ответ на твой первый вопрос, – усмехнулся мужчина. – Ведь ты больше не Бонк, тебя это не касается.

Наверное, я слишком устала, перенервничала и была чересчур возбуждена, потому что не смогла сдержать сарказма.

– Да вы моя крестная фея! – зло процедила я. – Осталось получить хрустальные туфельки и бежать на свидание с принцем. Жаль только, в полночь карета превратится в тыкву! – резко поднялась с кресла.

Полы халата распахнулись, открывая ноги.

– Сядь, – тихо сказал маршал, и что-то в его голосе заставило меня беспрекословно выполнить приказ. – Твои родители, Алиана, просили забрать тебя еще в мой первый приезд в Эдинбург. Тогда я решил, что отрывать маленького ребенка от семьи было бы слишком жестоко, но теперь жалею об этой уступке собственной совести. Вы похожи на норовистую кобылку, – взгляд его коснулся моих коленей, – пусть и весьма симпатичную.

Я ничуть не оскорбилась, но нервно поправила халат, хоть этого и не требовалось – все было прикрыто.

Зачем родителям было отдавать меня? Даже если бы мама вдруг захотела для меня жизни вне леса, с чего бы второму лицу государства брать на воспитание дочь фактически имперских изгнанников?

Напрягла память, вспоминая редких гостей крепости. Неужели я могла не запомнить Холда-старшего? Когда Лиззи представила меня отцу, я еще несколько дней ходила под впечатлением, оглядываясь по сторонам в страхе случайно встретить его в огромном поместье.

Но зачем ему обманывать меня?

– Вы были в Эдинбурге?

– Судя по всему, вы ничего не помните об этом визите? – поймал он мой недоверчивый взгляд. – Это неудивительно, вы были совсем крохой. Финансовое состояние вашей семьи много лет остается плачевным, запрет выезда не оставляет практически никаких возможностей это поправить. Ни вы, ни ваши братья не имеете никаких перспектив. Я отнюдь не альтруист и согласился помочь Бонкам в обмен на некоторую помощь со стороны Эдинбурга, но... – он чуть наклонил бокал, наблюдая за тем, как тягучая жидкость оmyвает кубик льда, – я вовсе не монстр, Алиана. Что бы ты себе ни напридумывала.

Я опустила глаза, признавая правдивость этого замечания, и в который раз отметила его переход в обращении ко мне с «вы» на «ты» и обратно, как будто он и сам пока не определился с моим статусом. Девочка – плата за возможную поддержку Эдинбурга – или нечто большее.

Холд поставил опустевший бокал на низкий стол между нами. Стекло неприятно звякнуло о такую же стеклянную деталь на деревянной столешнице.

– Когда я смогу увидеть семью? – подняла я глаза.

Он сплел пальцы и ответил:

– Мои возможности велики, но не безграничны. Я не могу усыновить все ваше семейство. Я не сдержала смешка.

– Этого не требуется. Просто отпустите меня в Эдинбург.

– Разве я держу тебя силой? – выгнул он бровь.

– И я могу завтра купить билет?

– Завтра не получится. Вы возвращаетесь в колледж, – откинулся он на спинку дивана.

Господин Николас снял галстук и ослабил ворот. Темная ткань рубашки натянулась от движения и обрисовала сильное тело. Я вдруг поняла, что Холд-старший не просто отец Элизабет и наш маршал, а красивый, очень красивый мужчина. Неудивительно, что женщины теряют от него голову.

Смутилась от этой мысли. Отвела глаза.

– Все жители империи, отправляющиеся в Эдинбург, обязаны получить разрешение на посещение закрытой провинции. Холды – не исключение. Северяне имеют соответствующий вкладыш в паспорте, – тем временем лениво продолжал маршал. – Но ученический билет такой отметки не имеет и не позволит вам беспрепятственно проехать к родителям, а ваш паспорт будет оформлен на новое имя. Когда вы ехали в колледж, вы имели при себе приглашение на обучение. Никому и в голову не пришло проверять ребенка.

– А если бы проверили? – похолодела я.

– Вернули бы обратно. В империи не наказывают детей.

Я устало потерла глаза.

Мне нечего было возразить Холду, все сказанное им казалось логичным и оправданным. Но мысль, что я не смогу увидеть маму и мальчишек, разрывала мое сердце на части. Почему взрослые думают, что могут выбирать за детей? Почему их «так будет лучше для тебя» часто становится трагедией для ребенка?

Что ж, теперь многое становится ясным.

– Знаете, почему приглашение на императорский бал стоит целое состояние? – взъерошил мужчина короткие волосы.

– Нет, – хрипло ответила я, мимоходом отметив, как смягчила его черты небрежность.

– Потому, что всякий посетитель может подать прошение императору. Попросите его о посещении Эдинбурга, а еще лучше – просите отменить указ о запретах, касающихся вашей семьи.

– Это было бы чудесно, – согласилась я, – только прежде, чем просить, неплохо было бы знать, за что наказали Бонков.

Господин Николас улыбнулся краешком рта.

– А ты не догадываешься?

В его тоне не было и тени удивления от того, что дочь изгнанников ничего не знает, лишь удовлетворение от этого факта. Я вспомнила скомканное прощание с папой и охранника, прервавшего наш разговор, строгое «без глупостей» господина Холда и с грустью подумала, что совсем ничего не стою против опытного в политике и интригах маршала.

В информационном вакууме, которым окружили меня в пансионе и в семействе Холдов, сделать неверные выводы было слишком легко.

Мы вошли в состав империи последними, вероятно, где-то в этом событии кроется причина изгнания. Я не знала, чем северяне вызвали недовольство молодого Александра, и не испытывала ни малейшего желания развлекать Холда догадками.

Он мастерски играл словами, и я не могла быть уверена, что способна отличить правду ото лжи из его уст. Так тесно они переплетались.

Устало потерла лоб, от напряжения заныло в висках.

– Кто теперь наследует Эдинбургскую крепость? – спросила я, чувствуя, как между нами вновь возникает почти видимое глазом напряжение.

– Никто не может отобрать у вас это право, – ответил маршал, пристально глядя на меня. Я искривила губы в усмешке.

Наследница, полностью зависимая от маршала. До замужества. Даже скорое совершеннолетие не избавит меня от необходимости согласовывать с ним каждый шаг.

Но и замуж я не выйду без его дозволения.

Глупая, куда я думала бежать? Ни одна гостиница не даст мне ключи от номера, ни одна самая бедная вдова не возьмет на постой. И ни один кассир не продаст мне билет без позволения опекуна.

Далеко ли я уйду?

В лучшем случае меня вернут Холдам, в худшем – мой последний приют окажется в доме терпимости или придорожной канаве.

Чего хотел Александр и чего не смог получить? Ресурсы? Вероятно. Но что мы могли противопоставить имперской мощи? Испугали военных северными страшилками?

Ни одно чудовище не выстоит против динамита.

В чем мы отказали императору?

Как же мало я знаю!

– Наследница Бонков, – тихо повторила я. – Воспитанница Холдов. Или заложница?

Господин Николас, до того терпеливо ожидающий моих выводов, вновь потянулся к бокалу, но рука его застыла в нескольких дюймах от искомого.

– Ты устала, Алиана, – справедливо заметил мужчина. – Еще немного, и ты скажешь то, о чем в дальнейшем станешь жалеть.

Он поднялся с дивана и протянул мне руку.

– Пойдем, я провожу тебя до спальни.

Разговор с Холдом действительно дался мне нелегко. Я чувствовала себя лимоном, отдавшим тучной кухарке весь свой сок.

Маршал не был в полной мере откровенен со мной и фактически ничего не сказал, и все же я чувствовала острое разочарование оттого, что наша беседа оборвалась, и злилась на саму себя, не понимая причины этих эмоций.

Я вложила пальцы в протянутую ладонь, поднимаясь вслед за ним, и с удивлением поняла, что руки мои холодны как лед.

– Замерзла, – покачал головой Холд и соединил обе мои ладони, чтобы затем согреть теплом своих рук.

Он был значительно выше, и, чтобы увидеть его лицо, мне нужно было задрать голову. Но я застыла, не в силах отвести взгляд от смуглых мужских пальцев.

«Капкан», – снова промелькнуло в голове сравнение, и я стиснула зубы, запрещая себе поддаваться почти демонической притягательности этого человека.

Если он и змея, я не желаю становиться его пушистым обедом.

Холд вдруг взял меня за подбородок, тем самым заставляя посмотреть на него.

– Какие мысли бродят в вашей очаровательной головке? – с интересом заглянул он мне в лицо.

В темных глазах его светлым пятном отражался мой силуэт. Белые волосы, белый халат. Призрак, а не девушка.

– Никаких, – ответила я, растягивая губы в улыбке. – Абсолютно никаких.

Он усмехнулся, глядя на меня сверху вниз, а затем наклонился, и сердце мое застучало как никогда быстро.

«Тук. Тук. Тук», – набатом било в ушах.

В голове замелькали виды Эдинбургского леса. Лето. Осень. Зима. Стая птиц, взлетающая в серое небо. Убегающий от хищника молодой олень. Кровь на снегу.

Я почувствовала горячее дыхание у своего лица и почти всхлипнула, цепляясь за это ощущение как за маяк.

– А-ли-а-на, – произнес то ли Холд, то ли его голос в моей голове.

Он был невыносимо близко. Хвойная нота мужских духов смешивалась с ароматом весеннего леса. Выдох. Влажный летний ветер. Предраассветный туман, сквозь который я вижу знакомые черты. Юный Александр. Николас. Никки.

Под ногой хрустнула сухая ветка. А в этой реальности кто-то заглянул в кабинет хозяина дома.

– Господин маршал? – испуганно спросила Холда горничная.

– Кети, – услышала я ровный голос господина Николаса. – Хорошо, что ты не спишь. Проводи Алиану в спальню и разожги девочке камин. Она совсем замерзла.

Власть над телом вернулась ко мне, и я на шаг отступила от мужчины. Спрятала дрожащие руки за спиной.

– Слушаюсь, – присела горничная.

– Доброй ночи, – сказал мне отец Элизабет.

– Приятных снов, – вежливо пожелала я и вышла вслед за девушкой.

Кети шла на шаг впереди. Белый пояс ее передника, завязанный сзади большим аккуратным бантом, служил мне путеводной звездой. Его ритмичные покачивания в такт движениям девушки вводили меня в подобие транса, как под гипнозом, что было как нельзя кстати.

Меня трясло, и только чудо вкупе с упрямством удерживали меня от истерики на глазах у ни в чем не повинной горничной.

Что произошло в кабинете Холда?

Что чуть было не произошло?!

– Простите меня, госпожа, – низко склонила голову девушка.

Я обнаружила себя застывшей на пороге гостевой спальни, выделенной мне хозяином дома на эту ночь. Кети уже зажгла камин и закрыла стеклянную дверцу, запирающую голубоватое газовое пламя, и теперь стояла, демонстрируя расстроенный и даже виноватый вид.

– Что? – недоуменно переспросила я.

– Простите, – повторила девушка, не поднимая глаз. – Я знаю, моя просьба покажется вам дерзкой, но у меня больная мать, и у нее нет никого, кроме меня.

Я потеряла глаза, пытаюсь избавиться от видения склонившегося надо мной Холда-старшего, и ответила:

– У меня совсем нет средств, Кети. Боюсь, что ничем не смогу тебе помочь.

Она рухнула передо мной на колени и прошептала:

– Умоляю вас, попросите господина Николаса оставить меня в доме!

Если задачей ее было меня шокировать – она справилась с ней на триста процентов. Я недоуменно смотрела на смиренно ожидающую моего ответа горничную, пытаюсь понять причину этой странной просьбы, и не могла.

– Фантасмагория, – буркнула я себе под нос, одним словом характеризуя и Кети с ее мученическим видом, и господина Холда с его фальшивым участием, и сегодняшний день с его открытиями и потрясениями, и всю свою жизнь. До кучи.

Как же я устала...

– Хорошо. Если ты считаешь, что господин Николас меня послушает, я это сделаю, – ответила я, с удивлением замечая, как расслабляются напряженные плечи девушки.

– Спасибо, госпожа Алиана! Вы не пожалеете! – счастливо запричитала Кети.

– Надеюсь, причина, по которой господин Холд собирается тебя уволить, не слишком серьезна, – вздохнула я, присаживаясь на кровать.

Она замерла, а потом посмотрела на меня с такой тоской, что я невольно вспомнила медсестричку Сару. Точно такая же безнадежность сквозила в ее взглядах, адресованных маршалу.

– Иногда господин Николас забывает погасить свет в кабинете. Я думала, в комнате никого нет, – чуть слышно сказала девушка. – Простите. Я увидела то, чего не должна была видеть.

Меня будто ударили. Как наша беседа выглядела со стороны? Кем Холд представил меня слугам? Подруга дочери, воспитанница? Хороша подруга. Посреди ночи, да в халате, наедине с хозяином дома!

Вспомнила мужские ладони на моих руках, обжигающее сквозь тонкий шелк тепло чужого тела, его дыхание на моем лице и с ужасом осознала, что горничная, кажется, понимала увиденное лучше меня.

– Ты ошиблась в выводах, Кети, – ответила я, в точности копируя ровную интонацию господина Николаса. – Но я выполню твою просьбу. Доброй ночи.

Меня трясло. Я накрылась одеялом и закрыла глаза, не желая видеть справедливого укора на симпатичном лице горничной. Она правильно истолковала мое настроение и, пожелав мне приятных снов, закрыла за собой дверь спальни.

Огонь играл синими сполохами на белом потолке спальни, я подняла руку, пытаюсь поймать убегающий отблеск. Иллюзия, как и маршал, который говорил со мной этой ночью. Иллюзия правды, иллюзия заботы.

И чувства, которые он будил во мне, – тоже иллюзия.

Непростительно похожая на правду.

Глава 6

Мне не удалось выполнить просьбу горничной. Господин Холд покинул дом рано утром, а после завтрака водитель сообщил нам с Элизабет, что готов отвезти нас в пансион, и с маршалом мы не встретились. Впервые за время нашей с Лиззи дружбы я испытывала подобие сожаления по этому поводу.

Несмотря на небольшой размер столичной резиденции Холдов, извиниться перед Кети мне тоже не довелось. На вопрос, где я могу найти девушку, горничная, прислуживавшая накануне Элизабет, недоуменно пожала плечами.

Господин маршал, вероятно, расстался с Кети, не дожидаясь утра. Вряд ли мое слово могло повлиять на это решение, и все же я чувствовала себя виноватой.

Нет ничего хуже, чем дать обещание и затем не выполнить его.

В автомобиль я садилась с невеселыми мыслями и таким же невеселым лицом. Ночная беседа с господином Николасом не выходила у меня из головы, я многократно прокручивала в памяти наш разговор, чтобы в конечном итоге прийти к одному-единственному выводу: я ничего не понимаю!

Что тоже не добавило мне настроения.

Лиззи посмотрела на мою непривычно кислую физиономию, перевела взгляд на наручные часы и задумчиво сказала:

– У нас будет несколько часов. – Она легонько постучала ногтем по циферблату. – Заедем в поместье или пройдемся по магазинам?

– В поместье! – не скрывая паники в голосе, заявила я. – Знаю я твои «пару часов». Сначала мы скупим всю галантерею, потом ты заведешь меня в магазин одежды и заставишь быть чем-то вроде заводного манекена, следующим номером будут ювелирные лавки. Там ты застрянешь на неопределенный срок, в конце концов мы опоздаем в колледж и получим нагоняй не только от директрисы, но и от госпожи Дианы. Нет уж, спасибо. Лучше уж чай в компании с Никки!

– Черт, а я так надеялась! – прыснула подруга.

Водитель укоризненно покосился на нас.

– То есть я хотела сказать, нет так нет, – поправилась Лиззи.

Мужчина завел автомобиль. Машина начала движение. Я подмигнула подруге и высунула язык, изображая уставшую после пробежки собаку. Мы давно знали, что все сказанное в присутствии подчиненных отца Элизабет так или иначе становится известно маршалу. Лиззи не раз получала втык за излишне вольную манеру вести себя, но на меня жесткие требования Холда-старшего не распространялись, и я дурачилась с удвоенной силой, чтобы хоть немного скрасить серые будни дочери второго лица империи.

Мне несложно побыть клоуном, если это делает ее хоть немного счастливее.

Через полгода Элизабет ждет представление ко двору, за Весенним балом состоится ее помолвка, а затем и брак, который оставит нашу дружбу в прошлом. Разве что ей повезет немного больше, чем госпоже Диане, и будущий муж Лиззи позволит нам редкие встречи.

Я сдержала тяжелый вздох и улыбнулась подруге. Кто знает, что ждет нас дальше? Может быть, я излишне пессимистична, да и господин Николас еще не озвучивал свое окончательное решение относительно будущего дочери.

Впрочем, не озвучил он его только потому, что не посчитал это нужным.

– Что это? – заметила я странное движение вдалеке.

– Где? – Лиззи проследила за моим взглядом и нахмурилась.

На широком проспекте плотными рядами шли автомобили, по тротуару куда-то спешили люди, высотки делового центра упирались в небо, но стандартную картинку большого города

разрывала группа странно одетых мужчин с баллончиками краски в руках. Широкие белые комбинезоны, на подобии костюмов химзащиты маски, еще более усиливающие это сходство. Они стремительно двигались, разрезая обывательский поток, будто нож масло. Прохожие старательно обтекали их, кто – останавливаясь и провожая взглядом, а кто – шарахаясь, как от прокаженных.

– Не волнуйтесь, – сообщил нам водитель и с громким щелчком заблокировал двери автомобиля.

Слова его, естественно, возымели ровно противоположное действие.

Я вцепилась в сиденье и с тревогой уставилась в затемненное стекло. «Белые халаты» остановились у невысокого на фоне небоскребов собора. Словно по команде они подняли руки, а затем светлый камень храма будто кровью залила красная краска.

– Черт возьми, что они делают? – с ужасом выдохнула я.

– Радикалы, – поморщился наш провожатый. – Сейчас их разгонят.

И действительно. Наряд военной полиции, я поняла это по нашивкам, уже бежал к вандалам, на ходу опуская на лицо пластиковые шлемы и доставая дубинки.

Белые бросились врассыпную. Кто-то кинулся в толпу, кто-то побежал наперерез военным, а один из них на бешеной скорости ворвался на проезжую часть. Загорелся зеленый, наш водитель нажал на педаль газа, и «белый комбинезон», который в этот миг огибал нашу машину спереди, кулаком ударил в лобовое стекло, а затем, как циркач, отскочил от движущегося автомобиля.

– Твою мать! – зло выругался военный.

Я сделала рваный вдох. Острый взгляд, который, как мне показалось, этот человек кинул на меня, разьедал до самых костей, невзирая на маску, закрывавшую его лицо.

– Чего они хотят? – отогнала я неприятное ощущение.

Военные задержали большую часть «белых» и теперь вели их, закованных в наручники, заставляя низко держать голову. Только одному из них удалось уйти.

Тому, кто только что чуть было не попал под колеса нашего автомобиля.

– Так известно чего, – водитель свернул с проспекта на тихую улочку, – прав, свобод и анархии. Устоявшаяся в империи преемственность власти их не устраивает.

– Допустим, – согласилась Элизабет со словами мужчины. – Но соборы-то зачем красить? Еще и красным...

– Кто же поймет этих радикалов, – отмахнулся от вопроса водитель.

– «И демона кровь красна», – задумчиво повторила я строчку, выбитую на потолке семейной спальни Бонков.

– Что это? – нахмурилась Элизабет. – Звучит устрашающе.

– Девиз моей семьи, – пояснила я подруге.

– Не думала, что вы такие кровожадные, – шутливо ткнула она меня в плечо.

– Дай же мне отведать твоей кро-о-овушки! – воскликнула я, потянувшись руками к шее Лиззи. – Кстати, какого она у тебя цвета? – облизнулась я.

– Голубая, понятное дело, – засмеялась Элизабет. – Я все-таки Холд.

– Как и госпожа Алиана, – подал голос военный.

Веселость разом слетела с нас обеих.

– Стекло цело? – Элизабет поправила ворот блузки и пригладила волосы.

– Что ему будет? – хмыкнул мужчина. – Его и пуля не возьмет.

Я посмотрела в окно. Наш автомобиль вновь мчался по широкому проспекту. Мы давно покинули деловой центр, небоскребы остались далеко позади, как и малоэтажная парадная часть города. Это была жилая окраина, серая и безликая. И только редкие рекламные плакаты сияли яркими пятнами на фоне бетонных коробок домов.

«Служба в имперской армии – гарантия твоего будущего», – говорила реклама. А на огромных агитационных фотографиях господин Николас Холд в алом мундире приветствовал парад на площади перед императорским дворцом.

Александра на плакатах не было.

– Смотри, что у меня есть, – тихонько шепнула мне Лиззи и дернула за рукав.

Я с радостью повернулась к подруге. Холд-старший действовал на меня как удав на кролика: смотреть на него было страшно, но и оторвать взгляд не выходило никак.

– Что? – с интересом спросила я.

Лиззи достала из сумочки сшитую скрепками и отпечатанную на машинке рукопись.

– Мне передал это Эдриан, – довольно сообщила она. – Это один из экземпляров его докторской диссертации.

– Ух ты! – Я с любопытством взглянула на бумаги.

«Физиология экстраординарности. Магия как продуцируемый гипофизом гормон», – прочитала я.

– Это секретное исследование, – гордо сообщила мне подруга и погладила научную работу Слоуна.

– Какое доверие. – Я задвигала бровями.

Эдриан был единственным молодым мужчиной, приглашенным в числе высокопоставленных гостей на ужин к Холдам. Наверняка это было неспроста. Но если именно его кандидатуру господин Николас рассматривал в качестве будущего супруга для дочери... это было бы чудесно. Увлеченный наукой в целом и медициной в частности, симпатичный, приятный в общении, он мог бы составить отличную партию Лиззи и даже позволить ей учиться дальше. И возможно, наша дружба не стала бы его раздражать.

Я была бы счастлива, если бы мои домыслы оказались правдой.

– Да какое уж тут доверие, – печально вздохнула Лиззи и глазами показала на военного за рулем. – Я должна отдать его сегодня же. Не возражаешь, если в дороге я буду читать?

– Конечно! – с готовностью согласилась я. – А потом и мне расскажешь, что там написано. Только человеческим языком, ладно?

– Ладно, – рассмеялась Лиззи и с чистой совестью уткнулась в диссертацию Эдриана.

Я с нежностью посмотрела на подругу. Она увлеченно читала текст, глаза ее горели. Если бы господин Холд видел ее сейчас, то, уверена, не смог бы отказать в дальнейшем образовании. Только вот он не видел. К сожалению, между отцом и дочерью не было и капли близости.

Что и неудивительно, если учесть, что ни дочь, ни отец не жили в Южном. Когда бы они успели стать настоящей семьей?

Лиззи действительно читала всю дорогу. Она изредка удивленно качала головой, а потом смотрела в окно, чтобы убедиться – дочитать еще есть время. Я тихонько посмеивалась над госпожой Холд и любовалась ею. Время в пути пролетело незаметно.

Когда автомобиль остановился у кованых ворот поместья, Лиззи со вздохом отложила уже трижды перечитанный текст.

– Как бы я хотела присоединиться к этому исследованию, – сообщила мне подруга.

– Свой гипоталамус не дам! – отрезала я.

– Гипофиз! – поправила меня Лиззи, изображая любимый жест нашего учителя математики – подвинула дужку несуществующих очков к переносице.

Я хихикнула. Ворота приветливо распахнулись. Подруга протянула документы водителю. Мужчина забрал диссертацию Слоуна и, вежливо поблагодарив, убрал ее во внутренний карман пиджака, предварительно свернув трубочкой. Завел мотор и подогнал машину к широкому крыльцу поместья.

– Мои ноги... – кряхтя, вышла я из автомобиля. – Это ужасно! – потеряла затекшую от долгого сидения поясницу.

– Не плачь, старушка! – Элизабет вышла следом и хлопнула меня пониже спины. – Как говорит госпожа Клаус, движение – жизнь, три круга вокруг столовой!

– Жестокая, – пробурчала я.

– Я или госпожа Клаус? – Лиззи с удовольствием потянулась.

– Вы обе. Но если в отношении госпожи Клаус это хоть как-то объяснимо, она все-таки преподает нам физподготовку, то относительно тебя вообще непостижимо. Я бы даже сказала, бесчеловечно.

Мы рассмеялись, а затем затихли. Наш водитель покинул автомобиль вслед за нами и теперь сосредоточенно осматривал капот на предмет вмятин и повреждений.

– Что-то не так? – вежливо поинтересовалась я.

– Нет-нет, просто осматриваю машину на всякий случай, – ответил он и вернулся за руль, чтобы откатить машину в гараж.

– Девочки! – выбежала на крыльцо госпожа Диана. – Хорошо, что вы решили заехать! – обняла она нас с Лиззи поочередно.

– Алиана предпочла вас с Никки покупкам! – пожаловалась на меня Элизабет.

– Это, безусловно, приятно, – рассмеялась Диана. – Хоть одна из моих девочек не мотовка! Но Никки нет дома. Вам придется обойтись моей компанией.

– Ушел на прогулку? – понятиливо спросила Элизабет.

– Да, уехал с водителем, – тяжело вздохнула Диана. – Его нет с самого утра.

– Не волнуйся, он ведь не один. – Лиззи погладила мать по плечу.

Диана согласно кивнула.

– И не сообщил, когда вернется? – уточнила я.

– Он все-таки Холд, – почти точь-в-точь повторила Диана недавние слова Элизабет. – Никки не считает нужным отчитываться перед кем-либо. Даже перед своим отцом.

Я почти не удивилась. Николас-младший, несмотря на все свои странности, рос достойным сыном Холда-старшего. Маршал ни во что не ставил жену, а Никки – мать.

Если бы Ральф и Рэндольф ушли из крепости, не предупредив маму, то она в прямом смысле оборвала бы им уши по возвращении. И неважно, что мальчишкам уже по восемнадцать.

Как они выросли? Какими стали?

Тоска по родным, которую я отчаянно гнала из сердца, сдавила грудь.

Мама, папа, братцы «Р», как же мне вас не хватает...

Как наяву я увидела нашу крепость. Острые зубцы башен, серую каменную кладку, темные коридоры подземелья и семейную усыпальницу, вырезанную в сердце скалы, на которой и стояло мрачное, но такое любимое мною семейное гнездо Бонков.

А за дверью склепа был потайной выход в лес.

Я вспомнила, как радовался Рэндольф этой находке, как горели его глаза, когда он делился с близнецом своим открытием. Ральф тогда страшно боялся темноты и наотрез отказывался идти с братом исследовать подземелье. Он ничуть не поверил, братья разругались в пух и прах, и я, как старшая, решила разбить их спор, подтвердив или опровергнув наличие этого хода.

И мы с Рэндольфом, кряхтя от натуги, сдвинули статую Эдинга, закрывавшую узкий проход в скале.

– Ты думаешь, нам стоит туда идти? – Я опасливо заглянула в проем.

– Струсил? – скрестил руки на груди Рэндольф и презрительно фыркнул: – Девчонка!

И я вошла.

В темном лазе пахло лесом. Ни ветерка, ни отблеска света, ни звука. Не слышно было и наших шагов, здесь и времени, кажется, не существовало – так долго мы шли.

Но любопытство наше было вознаграждено многократно. Мы действительно вышли в Эдинбургский лес, и как же сильно нам досталось за это от мамы!

Она нашла нас почти сразу, наверное, не прошло и пары минут. Схватила нас обоих за уши и затолкала обратно в проход. Это Ральф рассказал родителям о нашей вылазке, и, конечно, тем же вечером Рэндольф хорошенько отметелил ябеду. Нам ведь было запрещено ходить в склеп без сопровождения, но когда детей останавливали запреты?

Ухо у меня болело долго. Папа вдобавок всыпал нам с Рэном ремня, так что болели у нас не только уши. И все же это было одним из самых счастливых моих воспоминаний, потому что я никогда не видела места красивее. Только насмерть перепуганное лицо мамы немного умерило тогда мой восторг.

– Чему ты улыбаешься? – тихонько толкнула меня Элизабет, вырывая из воспоминаний.

– Я подумала, что если Никки нет, значит, и шоколадный торт с ним можно не делить! – состроила я радостную физиономию.

– Точно! – подхватила мой тон Диана. – Сам виноват!

Госпожа Диана приказала накрыть нам в столовой. Мы пили чай и смеялись, болтали о пустяках, все трое делали вид, что безоговорочно счастливы, и все трое врали друг другу.

Вскоре к чаепитию незаметно присоединился Никки. Диана ни о чем не спрашивала сына, он ничего не говорил. Сел на свободный стул на другом конце огромного стола и смотрел перед собой. Длинные волосы закрывали его лицо, плечи были опущены.

«О чем же ты думаешь?» – посмотрела я на него.

Никки вскинул голову и поймал мой взгляд.

– Шоколадный? – громко спросил меня мальчик и кивком головы показал на огромный нетронутый кусок торта на моей тарелке.

Диана запнулась на полуслове и испуганно уставилась на сына. Элизабет застыла, забыв сделать глоток.

Его голос ломался и скрежетал, задевая нервы. У меня задрожали руки. Перед глазами встало видение с младшим Холдом в лесу, а в животе заныло, неприятно напомнив о физической подоплеке вчерашнего обморока.

– Ты говоришь, – спокойно заметила я, стараясь ничем не выдать своих чувств.

– Иногда, – без тени эмоций подтвердил Никки, слово в слово повторяя диалог, которого не было.

– Шоколадный. – Я подвинула тарелку в его сторону.

Никки поднялся с места и направился в мою сторону. Я напряженно следила за каждым его шагом. Кажется, никогда он сам не подходил ко мне так близко, и этот внезапный порыв почему-то испугал меня.

«Господи, это ведь просто Никки, – напомнила я себе. – Немного странный, тихий, незаметный и неласковый котенок. Нашла кого бояться!»

– Садись. – Я указала на ближайший ко мне стул, тепло улыбнувшись подростку. – А я налью тебе чая.

Поднялась, чтобы взять с каменного острова еще одну фарфоровую чашку, поморщилась от нарастающей боли. Но Николас-младший остановил меня, неожиданно взяв за руку.

– До весны, – сказал мальчик и второй рукой коснулся моего живота.

От неожиданности я не могла сказать и слова. Там, где его ладонь соприкасалась с тканью юбки, я почувствовала мягкое пульсирующее тепло. Боль отступила, не успев как следует обосноваться в моем теле. А я изумленно смотрела на склонившуюся передо мной темную макушку Холда-младшего, забывая дышать.

Этот странный контакт закончился так же внезапно, как и начался. Никки отнял руку и отпустил меня, а затем молча покинул столовую. Яркое солнце заглянуло в высокие окна просторного помещения и мазнуло лучом по моему лицу.

– Что это было? – спросила Элизабет то ли у меня, то ли у мамы.

– Думаю, вам пора отправляться в пансион, – рывком встала с места госпожа Диана. – Я распоряжусь собрать вам остатки торга.

Госпожа Диана была чудесной хозяйкой, прекрасной матерью и не менее замечательной женой. Никаких объяснений насчет поведения Николаса-младшего от нее мы с Лиззи не получили. Пожалуй, умением говорить, ничего не сказав, она могла соперничать с господином Холдом. Я не стала настаивать, это бы ничего не дало. Женщина нервничала, хоть и не подавала вида. Не знай я ее достаточно хорошо, никогда бы не подумала, что она обеспокоена. И все же это было так.

Сын ли ее испугал, или она испугалась за сына?

Какая, в сущности, разница? Мне было довольно и собственных проблем.

Мы с Лиззи уехали в колледж через несколько минут. Нас буквально выставили за дверь. Диана клюнула нас обеих в щеки и, отговорившись срочными делами, ушла в дом. Элизабет недоуменно смотрела то на перевязанную синей лентой коробку с шоколадным тортом, то на закрытую дверь огромного дома.

– Итак, – задумчиво сказала она, – мы едем в пансион.

– Именно, – подтвердила я.

– Тебе не кажется, что мои родители чего-то недоговаривают? – поправила она ленту на коробке. – И что самое неприятное, делают это вдвоем.

Я рассмеялась глухо и немного нервно, а потом ответила:

– Что ты, Лиззи, как такое возможно?

– И ты туда же, – печально вздохнула подруга, и мы уселись в автомобиль.

Водитель отъехал от резных ворот особняка Холдов, оставляя резиденцию маршала и его семьи вместе с их тайнами и недомолвками далеко позади. Элизабет что-то недовольно бурчала себе под нос, я смотрела на изящный профиль подруги и ловила себя на странной мысли.

До конца нашего обучения оставалось полгода, и эти полгода – последние месяцы нашей с Лиззи свободы, если бы понятие «свобода» можно было к нам применить.

Глава 7

Время летело неумолимо. Зима теряла позиции, впрочем, разве можно было назвать зимой это недоразумение? Дождь, ветер, серое небо да цветущие розы в саду колледжа.

Весна пришла незаметно. Как-то утром мы вышли на улицу ради очередной пробежки, подняли глаза и увидели ясное синее небо без единого облачка.

До получения нами аттестатов оставалось несколько недель. До представления ко двору императора и того меньше.

Все эти месяцы я ждала вестей от родителей. Каждый вечер приходила в приемную директрисы и гипнотизировала телефон, на который изредка звонили воспитанницам пансиона, но не мне.

И уверенность, что это молчание не беспричинно, крепла день ото дня.

Ужин давно закончился, я сидела в высоком кресле секретаря и листала толстую книгу. Надо сказать, весьма и весьма увлекательную, пусть и написанную сухим языком. Это был «Свод имперских законов».

– Все сидишь? – заглянула в приемную Лиззи и покосилась на пустой стол секретаря.

Госпожа Эмилия без опаски оставляла меня в кабинете одну и даже позволяла пользоваться ее креслом. Полагаю, жалела.

– Сижу, – подтвердила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.